

Старинная библиотека

Варвара Андреевская

ЗАПИСКИ КУКЛЫ

Варвара Андреевская

Записки куклы

«Записки куклы» — это рассказ куклы Милочки о своей жизни. Она рассказывает, как её купили в магазине, как она попадала к разным девочкам, своим хозяевам, как они к ней относились и какие приключения с ней происходили в это время.

Для детей младшего школьного возраста, а также прекрасно подходит для семейного чтения.

Оригинальный дореволюционный текст в современной русской орфографии и иллюстрации из издания 1898 года.

Содержание

#1	0005
Глава первая Мое первое вступление в свет	0006
Глава вторая Лотерея	0017
Глава третья У Мани	0033
Глава четвертая Моя болезнь	0051
Глава пятая В городском саду	0055
Глава шестая Моя свадьба	0061
Глава седьмая Меня похитили	0071
Глава восьмая В пансионе	0079
Глава девятая Раскаяние	0089
Глава десятая Опять у Сони	0099
Глава одиннадцатая Как я удила рыбу	0106
Глава двенадцатая Бедная старушка	0121
Глава тринадцатая Как меня испугала мышка	0131
Глава четырнадцатая На волосок от смерти	0141
Глава пятнадцатая Заключение	0152
#17	0155

**Записки куклы
Рассказ для маленьких
девочек**

Варвара Андреевская

Импринт «Старинная библиотека»

Редактор Сергей Корнев

Дизайнер обложки Вадим Конопкин

© Вадим Конопкин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0342-3

Создано в интеллектуальной издательской
системе Ridero

Глава первая

Мое первое вступление в свет

На несколько дней до Рождественских праздников нас привезли в один из лучших петербургских магазинов целой партией; все мы лежали в коробках, крышки которых закрыты, вероятно, для того, чтобы туда не проходила пыль.

Не знаю, как другим куклам, но мне такое помещение вовсе не нравилось; я хотела воздуха, хотела света, хотела видеть людей... и чуть не подпрыгнула от радости, когда почувствовала, наконец, что один из приказчиков¹, сняв с полки мою коробку, начинает ее развязывать.

— Если вы желаете купить особенно красивую дорогую куклу, то позвольте предложить вам эту, — сказал он, осторожно вынимая меня из коробки и повертывая лицом к хорошенькой девочке, которая стояла по ту сторону прилавка рядом с молодой, очень элегантно одетой дамой.

Девочка провела своей маленькой ручкой по моим волосам, ласково заглянула мне в глаза, улыбнулась и, обратившись к элегантной даме, проговорила вполголоса:

— Эта кукла мне очень нравится, мамочка, но...

— Но что? — также тихо отозвалась дама.

— Она не одета; ей придется шить все, начиная с белья и кончая платьем, а ты знаешь, я шить не умею.

— О, что касается до этого, Ната, то не стоит говорить: кроить и шить вовсе не так трудно, как ты думаешь, надо только приложить немного старания, и все пойдет отлично.

Девочка молча наклонила голову, перестала улыбаться, на глазах ее навернулись слезы.

— Ната, дорогая, зачем же плакать? — продолжала молодая женщина и, сев на стоявший по близости стул, принялась успокаивать Нату.

— Когда я была такою же маленькою девочкою, как ты, — говорила она, — то считала лучшим удовольствием обшивать мою любимую куклу, про которую я тебе уже много рас-

сказывала; сошью бывало для нее платьице, повешу в низенький, маленький, игрушечный шкафчик и сама им люблюсь; каждый вечер укладываю куклу спать, утром прихожу будить, одеваю. Пока я занимаюсь уроками, кукла сидит в детской, потом я складываю книги, иду к ней и опять мастерю для нее белье, платье, шляпки... Ты не поверишь, как это весело!

Ната слушала маму с большим вниманием; по мере того как мама говорила, личико малютки принимало все более и более веселое выражение.

— Хорошо, мамочка, — отозвалась она, наконец, когда голос Веры Ивановны — так звали мать Наты — затих, — подари мне эту куклу, я буду любить и беречь ее точно так же, как ты любила и берегла твою.

— Заверните, — обратилась тогда Вера Ивановна к приказчику и, достав из кармана кошелек, заплатила деньги.

Приказчик опустил меня в картонку и начал обкладывать бумагой; я опять очутилась в темноте, но темнота теперь меня не пугала, я знала, что оставаться в картонке придется

недолго и что скоро для меня начнется новая жизнь, полная радости, полная интереса!

— Извольте, барышня, — сказал приказчик, подавая картонку девочке, — желаю вам играть с нею весело, кукла превосходная, такая, какие редко встречаются.

Девочка взяла картонку, но так как картонка оказалась слишком тяжелою для ее маленьких ручек, то почти сейчас же передала матери, сказав, что боится уронить. В продолжение перехода от магазина до дома она не переставала восхищаться мною, а придя домой, конечно, поспешила вынуть на свет, затем прижала к груди и, несколько раз поцеловав в лобик, проговорила ласково:

— Милая куколка, тебе холодно! Я сегодня же попрошу маму скроить все необходимое и показать, как надо шить; моя мама добрая, она не откажет.

Я постаралась взглянуть с благодарностью на Нату и пожалела, что мы, бедные куклы, не можем говорить так, как говорят люди... иначе бы, конечно, сказала «большое спасибо», потому что действительно начала чувствовать холод.

Ната, между тем, принялась за работу: с помощью Веры Ивановны она живо смастерила мне необходимое белье и домашний капот², а когда наступила пора спать, раздела меня и поместила рядом с собою, так как моя собственная кроватка не была еще готова.

— Спи, дорогая, — шепнула Ната, прикрывая меня одеяльцем, и, чтобы я скорее заснула, начала рассказывать сказку. Я никогда в жизни не слыхивала сказок, а потому очень заинтересовалась ею, но, к сожалению, девочку самую скоро стало клонить ко сну, — глаза ее начали слипаться, голос становился все тише, все невнятнее, а потом и совершенно замолк...

— Что делать! — проговорила я мысленно, тоже стараясь заснуть, но Ната мне мешала: она спала очень беспокойно, ежеминутно ворочаясь, и два раза толкнула меня так сильно, что я чуть-чуть не свалилась на пол.

— Ничего, усну под утро, — продолжала я рассуждать сама с собою, но уснуть под утро мне тоже не пришлось: Ната начала бредить; я невольно прислушивалась к ее бреду, особенно когда догадалась, что она говорит обо

мне, восхищается мною... благодарит мать за прекрасный подарок и обещает нашить мне много разных модных костюмов.

На следующее утро Ната проснулась в восемь часов.

— Здравствуй, голубка, — обратилась она ко мне ласково, — хорошо ли спала? — и поцеловав в обе щеки, бережно посадила в кресло, где я оставалась до тех пор, пока она одевалась, умывалась, молилась Богу.

— Теперь за тебя примусь, — снова сказала девочка, подходя к креслу, чтобы надеть на меня капотик.

— Пожалуйста в столовую чай кушать, — раздался в эту минуту в дверях голос горничной³, — мама и папа приготовили для вас новый сюрприз.

— Какой? — с любопытством спросила Ната.

— Не приказано говорить.

Ната взяла меня за руку и чуть не бегом пустилась в столовую, где мы увидели два деревянных ящика.

— Это тебе подарок к празднику от папы и от меня, — сказала Вера Ивановна.

Ната вместо ответа бросилась на шею матери.

— Постой, постой, задушишь, — смеялась Вера Ивановна, стараясь высвободиться из ее объятий. — Прежде посмотри, может быть, еще не понравится; кроме того, оба эти подарка, собственно говоря, не для тебя, а для твоей куклы.

Ната с сияющей улыбкой принялась развязывать ящики и пришла в неописанный восторг, когда увидела в одном из них изящную кукольную кроватку с кисейной занавеской, а в другом — игрушечный письменный столик, со всеми принадлежностями.

— Какая прелесть! — вскричала она, всплеснув маленькими ручками, и снова бросилась целовать маму.

— Нравится?

— Еще бы... я счастлива... совершенно счастлива, только вот один вопрос никак не могу решить!

— Какой?

— Как назвать мою куклу: Соня, Леля, Вера, — это все слишком обыкновенно, мне бы хотелось придумать что-нибудь особенное.

— Назови ее Милочкой.

— А что, ведь и правда, имя Милочка для нее самое подходящее. Благодарю за совет, мне бы самой до этого никогда не додуматься. С сегодняшнего дня ты будешь называться Милочкой, слышишь? — добавила она, обратившись ко мне.

Итак, меня назвали Милочкой; имя Милочка мне нравилось настолько, насколько нравилась жизнь в доме маленькой Наты, которая любила меня, берегла и так много нашла различных костюмов, что даже не перечесть.

Когда я ходила с нею гулять или ездила кататься, все прохожие мною любовались: «какая превосходная кукла и как хорошо одета!» — повторяли они, глядя на меня с видимым удовольствием.

На третий день Рождественских праздников Ната получила приглашение на детский бал к графине Б., и вот тут-то, по ее просьбе, Вера Ивановна заказала для меня такой роскошный туалет, что, как говорится, «ни в сказке сказать, ни пером написать»; шелк, бархат, ленты, кружева, — все было пущено

В ход.

Когда мы появились в зале графини, то большинство находившихся там детей сразу окружили Нату, закидывая вопросами обо мне и наперебой друг перед другом спешили танцевать со мною.

Я вернулась домой очень утомленной, но тем не менее вспоминала о вечере у графини с большим удовольствием и долго прислушивалась к голосу Наты, которая, прежде чем заснуть, подробно рассказывала старушке няне обо всем том, что мы говорили, что делали и, главным образом, о том, как все восторгались моим красивым личиком и нарядным костюмом.

— Кукла, конечно, не живой человек, от нее больше требовать нечего, — отозвалась няня, укладывая Нату в кроватку и советуя повернуться к стене, чтобы скорее заснуть.

— А для живого человека, няня, разве не нужно ни красоты, ни нарядов?

Няня отрицательно покачала седой головой.

— Что же для него надо? — продолжала де-

вочка.

— Доброе сердце, ум, послушание, кротость, желание учиться... Ну, да обо всем этом мы завтра потолкуем, теперь, дорогая крошка, пора спать...

И, ласково взглянув на свою питомицу, няня вторично посоветовала ей повернуться к стене.

Девочка повиновалась.

Няня еще несколько минут оставалась в комнате, затем, полагая, что Ната заснула, осторожно вышла в коридор.

— Ты слышала, что говорит няня? — обратилась она тогда ко мне шепотом. — Но хоть ты и кукла, а все-таки я хочу научить тебя всему тому, чему, по ее словам, должны учиться люди: доброе сердце, ум, кротость, — все это в тебе есть, а вот читать да писать ты, наверное, не умеешь, но мы это дело исправим.

И действительно, начиная со следующего дня, каждый раз, когда Ната садилась за уроки, я присутствовала тут же, сожалея в душе, что не могу держать пера и писать так, как пишут маленькие девочки, но Ната

словно угадала мою мысль и, выучившись писать какую-нибудь новую букву, сейчас же брала в свою руку мою, начиная водить по бумаге, благодаря чему я училась одновременно с нею.

К концу месяца мы знали уже почти всю азбуку настолько хорошо, что могли написать ко дню рождения Веры Ивановны целое слово: «Поздравляем!»

Глава вторая

Лотерея

Таким образом протянулось несколько месяцев.

Я была так счастлива, что не желала ничего большего; жизнь моя шла превосходно до тех пор, пока в одно прекрасное утро случилось следующее, совершенно неожиданное, обстоятельство.

Сидели мы с Натой в столовой, Веры Ивановны не было дома.

Вдруг в прихожей раздался звонок, горничная пошла открывать дверь; Ната взяла меня на руки и последовала за нею, полагая, что это, вероятно, вернулась ее мама, а может быть, и просто из любопытства, — она любила выскакивать на каждый звонок, несмотря на то, что ей порою порядочно за это доставалось.

Горничная, между тем, отворила дверь и, увидав на пороге совершенно незнакомую, очень бедно одетую женщину, спросила, что ей надобно.

Женщина была еще не стара, но выглядела чрезвычайно бледною и больною; она держала на руках ребенка, укутанного в плохонькое ватное одеяльце, рядом с нею стояли двое старших детей — мальчик и девочка; оба они тоже были одеты весьма плохо и казались такими жалкими, такими печальными, что, глядя на них, я готова была, расплакаться, — если бы только куклы могли плакать.

— Вера Ивановна дома? — заговорила женщина слабым голосом.

— Нет, — отозвалась горничная.

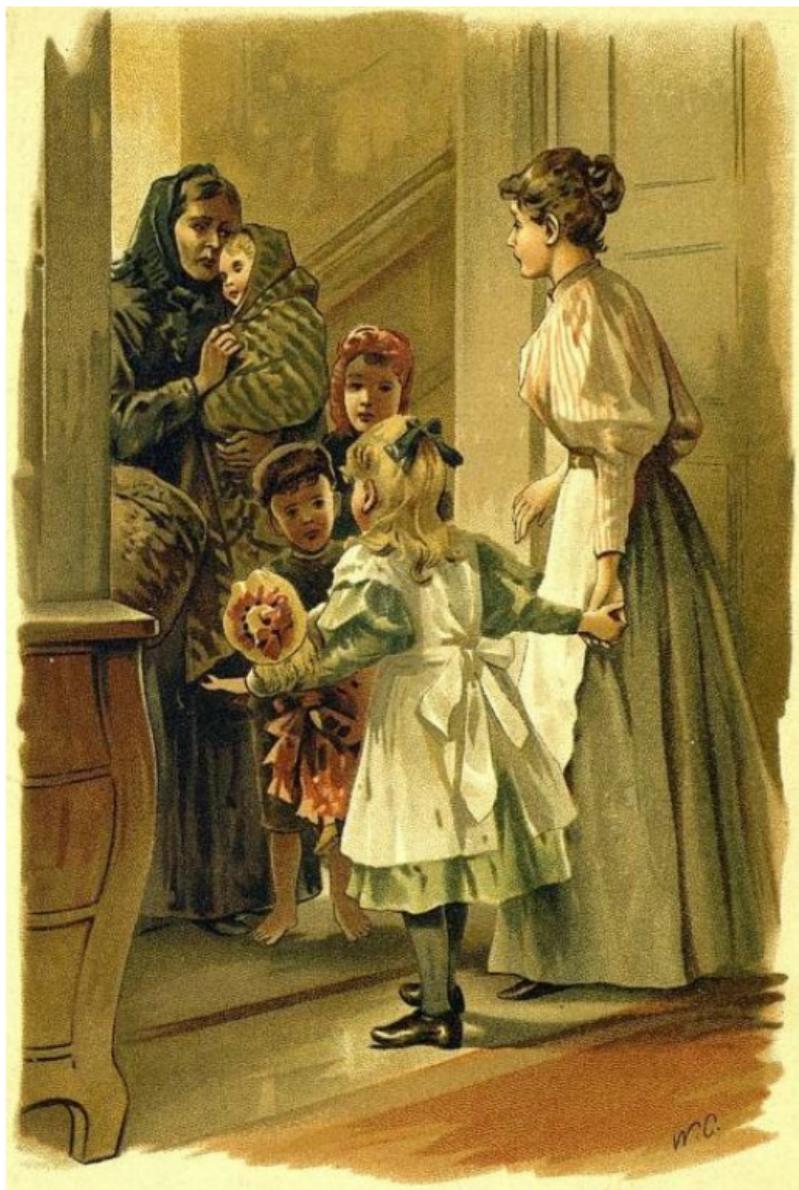
— А скоро вернутся?

— Не знаю... да вам на что ее надобно, скажите — я передам.

— Я... жена столяра Ивана, который постоянно для них работает, может быть, когда видали?

— Как не видать — видала; одно время он сюда часто ходил, а теперь вот что-то давно не показывается.

— Он лежит в больнице; вчера прислал сказать, что ему очень худо; просит, чтобы я пришла к нему и детей привела — повидать хочет... проститься... думает, что не выжи-

вет... Вот я и решила зайти к Вере Ивановне

просить, не поможет ли чем: деткам главным образом... их покормить надо, сама-то кое-как перебьюсь, — говорила бедная женщина сильно взволнованным голосом, и в заключение речи закашлялась.

— Да вы и сами-то будете не крепче ребенка, — заметила горничная, взглянув на нее с состраданием.

На глазах бедной женщины навернулись слезы.

— Вы правы; я еле ноги таскаю... недавно ведь с кровати встала... Так, значит, передадите мою просьбу Вере Ивановне? — добавила она после минутного молчания.

— Непременно. Наша барыня очень добрая, она не откажет.

Пока Надя — так звали горничную — разговаривала с бедной женщиной, я все время смотрела на ее несчастных деток и, сравнивая свой изящный капотик с теми лохмотьями, которые заменяли им платья, невольно благодарила судьбу за то, что она закинула меня к такой доброй девочке, как Ната, которая постоянно обо мне заботилась и никогда не оставляла без внимания, как часто делают

другие дети со своими куклами.

Если бы было можно, я сейчас бы, сию минуту открыла свой комодик, достала оттуда часть белья и платья и поделилась бы с несчастными малютками. Но ведь я не человек, я кукла, у меня нет ни воли, ни возможности двигаться, шевелиться, я делаю только то, что меня заставят делать!..

Маленькая Ната, должно быть, тоже в эту минуту что-то обдумывала, потому что всегда веселое, улыбающееся личико ее вдруг приняло сосредоточенное выражение. Положив меня на диван, она подошла к окну и начала поджидать маму, которая вернулась домой очень скоро.

— Мамочка, милая, дорогая, — обратилась тогда к ней Ната, — что я тебе расскажу, — и начала подробно передавать о посещении бедной женщины. — Я хочу непременно, во что бы то ни стало, помочь ей, мне жаль ее, жаль маленьких детей... если бы ты видела, какие они несчастные! — добавила девочка в заключение.

Вера Ивановна взглянула на нее с любовью, притянула к себе и крепко поцеловала:

ей приятно было видеть, что у Наты такое доброе, отзывчивое сердечко, да не только ей, родной матери, а даже мне, простой ничтожной кукле, это тоже очень нравилось.

Я начала с любопытством прислушиваться к дальнейшему разговору.

— Если бы я была большая и имела собственные деньги, то, конечно, ни на минуту не задумалась бы отдать их деткам большого столяра Ивана, — говорила Ната, охватив шею Веры Ивановны своими пухленькими ручонками. — Да, впрочем, мама, вместо денег у меня есть игрушки... Как ты полагаешь, если их продать, то денег наберется порядочно?

— Нет, мой друг, продать игрушки трудно — их никто не купит, а если и найдется желающий, то даст слишком мало; лучше устроим лотерею, это будет легче, удобнее и во всяком случае несравненно выгоднее.

Слово «лотерея» мне было немножко знакомо: когда я жила еще в магазине и лежала в коробке, то однажды слышала разговор двух приказчиков, которые собирались разыгрывать в лотерею какие-то вещи.

«Неужели Ната поместит и меня в число розыгрышей!» — подумала я с ужасом и устремила глаза на мою маленькую госпожу, но она даже не повернула головы по тому направлению, где я сидела, продолжая толковать с Верой Ивановной, каким образом все устроить.

— Мы напишем 50 билетов; каждому из них назначим дешевую цену, ну хотя бы по 20 копеек, — советовала Вера Ивановна, — значит, в общем кое-что наберется; да я с папой со своей стороны рублей по десяти прибавим.

— Значит, когда бедная женщина сегодня вечером придет за ответом, Надя может обещать ей все это?

— Может, если ты до тех пор не передумаешь относительно лотереи.

— О, нет, мама, не передумаю.

Вера Ивановна улыбнулась, встала с места и пошла в другую комнату.

А Ната, заложив ручки за спину, молча заходила взад и вперед по комнате, причем личико ее приняло такое серьезное выражение, какого я у нее еще никогда не видывала.

Кругом наступила полнейшая тишина, нарушаемая только легкими шагами девочки по паркету.

Но тишина эта продолжалась недолго: через несколько минут дверь отворилась, и на пороге показалась кухня⁴ моей маленькой госпожи — Леночка Жданова, с которою Ната была всегда большою приятельницею.

— Здравствуй, — встретила ее Ната и сейчас же сообщила о предполагаемой лотерее.

Девочки говорили много, долго, не умолкая; я слушала их с удовольствием до тех пор, пока вопрос не коснулся меня...

— Милочку тоже поместим в числе выигрышей, — настаивала Леночка, — иначе никто не возьмет ни одного билета; я первая не дам не только 20 копеек, но даже гривенника⁵, если ты не захочешь включить ее.

«Как! — подумала я, задрожав всем моим маленьким тельцем. — Милочка тоже будет разыгрываться; следовательно, я не останусь больше жить с Натой, попаду в другие руки... попаду к незнакомой девочке, может быть, злой, гадкой, которая не захочет беречь меня,

не захочет любить и баловать так, как любила и баловала Ната... Это ужасно... это невозможно!» — продолжала я мысленно рассуждать сама с собою и старалась сделать всевозможное усилие, чтобы вскочить с места, подбежать к Леночке, заставить ее замолчать, но, увы, никакие усилия пользы принести не могли, я оставалась неподвижна, я молчала в то время, когда мне хотелось говорить, и улыбалась тогда, когда хотелось плакать...

— Но мне жаль расстаться с Милочкой, я так люблю ее, привыкла к ней, — тихо возразила Ната.

— Коли жаль, так не устраивай лотереи, никто тебя не неволит.

— А та бедная женщина с бледным лицом и впалыми глазами, а ее оборванные, полугодные дети... ты ведь их не видела, значит, не можешь себе представить, до чего они жалки.

— Не видела, но судя по твоим словам легко воображаю и нахожу, что не помочь им в их трудные минуты грешно и стыдно...

— Барышня, сейчас приходила женщина, которая была сегодня утром, — прервала раз-

говор девочек показавшаяся на пороге горничная, — я сказала все, что приказано, и если бы вы видели, как она обрадовалась, как благодарила вас, Веру Ивановну, как молилась Богу!

Ната смотрела на горничную какими-то особенными глазами, — не трудно было догадаться, что в ней происходила сильная борьба, что ей очень жаль бедную женщину, жаль деток, что ей хочется помочь им, и в то же самое время тяжело, непроходимо тяжело расстаться со мною!

Трудно передать то, что я чувствовала в эту минуту: так бы вот и бросилась на шею моей дорогой Нате, так бы и расцеловала ее за чистое, доброе сердечко, хотя именно это чистое и доброе сердечко и приносило мне теперь столько горя. Несмотря на то, однако, приготовление к предстоящей лотерее с каждым днем все усиливалось.

Ната и две ее любимые подруги, Сонечка Лебедева и Тоня Томилина почти постоянно находились у нас, толкам, разговорам не было конца; меньше всех подавала голос Ната, и чем ближе подходило время розыгрыша,

тем становилась задумчивее... А я-то... я, несчастная, ни одной ночи не могла уснуть спокойно!

Но вот, наконец, наступил роковой день, в который был назначен розыгрыш.

Ната проснулась раньше обыкновенного, осторожно спрыгнула с кровати и тихую ступою подкралась ко мне.

— Глазки твои открыты, не спишь, — сказала она, крепко прижимая меня к груди, — дорогая, хорошая моя Милочка... если б ты знала, как я страдаю... но что же делать, как быть, отказаться от лотереи невозможно, точно так же, как невозможно оставить несчастных детей столяра Ивана умереть с голоду... Мы должны расстаться... А впрочем, кто знает, может быть, я сама тебя выиграю... мама обещала взять на мое счастье два билета... О, как бы это было хорошо!

Последние слова Наты ободрили меня, я ухватилась за них, как утопающий за соломинку...

Мне почему-то начало казаться, что это будет непременно так; при одной мысли о возможности жить прежнею жизнью, я уже счи-

тала себя почти счастливою; что же касается Наты, то она как будто мало на это надеялась и, печально склонив головку, смотрела на меня полными слез глазами.

— Барышня, вставать пора! — окликнула ее горничная. — Да вы уже не спите!

— Давно, — отозвалась Ната.

— Что так?

— Скучно, Надя, ужасно скучно.

— Чего?

— Не хочется расставаться с Милочкой.

— Может быть, не расстанетесь, может быть, ваши билеты выиграют, кроме того, я еще возьму для себя последний билет, который остался, вы ведь обещали мне его... Если он выиграет, то, конечно, подарю вам опять Милочку.

— Спасибо, Надя, большое спасибо, но ведь все это только... если... а если нет?

— Во всяком случае, плакать и горевать раньше времени не следует; старайтесь быть покойною духом и надейтесь.

Ната молча покачала головой.

К завтраку приехала Сонечка Лебедева, Таня Томилина и еще две какие-то девочки.

Посреди зала поместили большой круглый стол, покрытый скатертью, и начали расставлять все предназначенные к выигрышу предметы, в числе которых находилась и я.

— Ах, а билеты-то на выигрыши мы забыли привесить! — вскричала Сонечка и, достав из лежавшего тут же на столе мешочка несколько бумажек с различными номерами, принялась привешивать их на каждую вещь.

Благодаря тому, что я всегда присутствовала на уроках Наты, которая, как уже сказано выше, учила меня всему тому, чему сама училась, я умела читать цифры безошибочно, — мой номер был 44. Сонечка приколола его булавкой к пышному рукаву моего шелкового платья и посадила меня на самое видное место, как заманчивый и главный выигрыш.

Через час все гости съехались; наступило полное оживление. Маленькая публика болтала без умолку, шуткам, смеху и веселью не было конца.

— Что-то я выиграю, что-то мне достанется, досадно, ежели пустой билет. Когда же, наконец, начнется? — слышалось отовсюду.

Ровно в два часа в дверях зала, наконец,

показалась Вера Ивановна. Увидав ее, дети сразу догадались, что торжественный момент наступает, и затихли.

Она держала в руках большую фарфоровую кружку, наполненную скатанными в трубочки билетиками.

— Пускай самый маленький человечек из всех присутствующих вынимает, а я стану громко читать номера, — сказала она, обратившись к детям, и знаком руки подозвала к себе братишку Сони, Левушку — премиленного четырехлетнего мальчугана, который остался очень доволен возложенным на него поручением и с сияющим личиком выдвинулся вперед.

Начался розыгрыш. Каждый раз, когда мальчик опускал ручонку в фарфоровую кружку, сердце мое то замирало, то билось ускоренно.

— Пустой, пустой, номер 24, пустой, пустой, пустой номер 6! — и так дальше громко, отчетливо повторяла Вера Ивановна.

Боже мой, что за страшные, что за ужасные муки переживала я в то время, — никакое перо не в состоянии описать их! Я чув-

ствовала, что меня бросает то в жар, то в холод, что в глазах начинает делаться темно, что я не в состоянии ничего соображать... ничего думать.

— Номер 44! — раздался вдруг голос Веры Ивановны.

Я сразу пришла в себя, сразу опомнилась, но при этом бедное измученное сердечко мое забилося так сильно, что я боялась, чтобы оно не выпрыгнуло.

— Моя, моя... Я выиграла Милочку! — слышался в ответ чей-то пискливый детский голос, и к столу подошла девочка лет восьми, с большими черными глазами, которые показались мне далеко не такими добрыми и ласковыми, как глаза моей Наты. Вера Ивановна молча сняла меня со стола, чтобы передать ей.

Девочка сделала реверанс и с торжественной улыбкой вернулась на прежнее место.

Что было дальше, кому какие игрушки достались — не знаю, не помню... да меня это и не интересовало; я чувствовала только одно: что мне скучно, скучно и скучно расставаться с Натой, которая стояла в противополо-

ложном углу и казалась такой бледной, такой задумчивой, что просто на себя не походила!

Глава третья У Мани

Когда розыгрыш остальным игрушкам кончился, Маня — так звали мою новую госпожу — бережно завернула меня в большой лист газетной бумаги и понесла домой.

— Луиза Карловна, хотите посмотреть, какую чудную куклу я выиграла? — обратилась она к гувернантке, которая встретила ее в прихожей.

— Покажите.

Маня поспешила развернуть бумагу.

— Ах, какая славная кукла! — заметила гувернантка, разглядывая меня со всех сторон. — Знаете, говоря откровенно, я еще никогда ничего подобного не видывала.

Маня самодовольно улыбнулась.

— Сегодня ты ляжешь спать здесь, на диване, — сказала она мне, — а со временем мы устроим для тебя кроватку.

И затем довольно небрежно бросила меня на диван, который стоял в детской и на котором мне предстояло провести целую ночь, без

подушек, без одеяла, да еще вдобавок затянутой в парадное платье. О сне, конечно, не было помину; я лежала с открытыми глазами, не переставая думать о моей милой, дорогой Нате, о недавней жизни с нею и о том, как предстоит теперь коротать дни у Мани.

Таким образом время протянулось до самого рассвета; но вот, наконец, старинные часы, висевшее на стене в столовой, пробили восемь. В доме началось оживление: сначала поднялась прислуга, потом господа, Манечка встала последней.

— Вы сегодня что-то заспались, — ласково упрекнула ее няня, — вставайте скорее, через полчаса придет учительница музыки.

Маня поспешно соскочила с кровати.

«Подойдет ли она ко мне, поцелует ли, скажет ли какое-нибудь ласковое слово, как, бывало, дельвала Ната?» — подумала я, стараясь взглянуть на Маню умоляющими глазами и напомнить о себе.

Но Маня не сделала ни первого, ни второго, ни третьего: ей некогда было возиться со мною, она едва успела надеть платье, как горничная доложила о приходе учительницы

музыки.

Начался урок.

До моего слуха долетали звуки знакомых детских пьесок, тех самых, которые играла Ната, сажая меня тут же в комнате для того чтобы затем, когда учительница удалялась, водить мои ручки по клавишам и заставлять играть вместе с нею, толкуя все то, что ей самой толковала учительница.

Маня этого не сделала; я продолжала лежать на прежнем месте до тех пор, пока, наконец, она, уже часа два спустя после завтрака, вздумала подойти ко мне.

— Дай-ка я тебя переодену, — сказала девочка, — жаль таскать такое превосходное платье. И, сняв с меня изящный костюм, хотела отворить комод, чтобы вынуть оттуда мой будничный капотик, как ее зачем-то позвала мама.

Я снова была отброшена в сторону и по всей вероятности совершенно забыта, потому что прошло очень много времени, а Маня все не возвращалась.

Няня между тем принялась за уборку комнаты.

Взглянув на меня, она только головой покачала.

— Натерпишься ты, сердечная, много у нашей барышни, — проговорила добрая женщина, и переложив меня на стул, стала сметать пыль с дивана и с лежавшего на нем моего парадного платья.

Слова няни оправдались: в доме Манечки мне пришлось порядочно натерпеться горя.

Маня обо мне нисколько не заботилась, я надоела ей очень скоро, точно так же, как и остальные игрушки. Сначала она еще хотя изредка занималась мною, одевала, причесывала, но потом перестала даже спрашивать, где я, что со мною. Я продолжала лежать около шкафа, без платья, в одном белье; волосы мои спутались, лицо, шея, руки покрылись пылью, а на глазах даже завелась паутина, через которую я почти ничего не могла видеть.

Сколько времени пришлось мне жить такою печальною жизнью — не знаю, помню только, что в общем было очень скучно.

— А где та кукла, которую ты выиграла в лотерею у Наты, помнишь? — спросила од-

нажды Маню ее мать.

Маня опустила глаза и сконфузилась.

Мама повторила вопрос.

— Я сама не знаю, где она... — тихо отозвалась девочка.

Мама укоризненно покачала головою и, войдя в детскую, принялась меня разыскивать.

— Разве можно так относиться к вещам, — заметила она, наконец увидев меня лежащею около шкафа, — такая превосходная кукла, и посмотри, на что она сделалась похожа? Если ты не хочешь играть с нею и обращаться как следует, то я сегодня же подарю ее Параше, дочери нашего дворника; Параша добрая девочка, она будет беречь Милочку, любить и лелеять.

— Нет, мама, — возразила Манечка, — мне жаль отдавать такую дорогую куклу Параше.

— Тогда надо уметь обращаться с нею, изволь сию минуту привести ее в приличный вид, тем более что сегодня, после обеда, придут твои кузины, которые, наверное, пожелают ее видеть.

Слова эти были сказаны так строго, что

Маня не смела возражать.

Нагнувшись к полу, она подняла меня за рукав рубашки двумя пальчиками, держа далеко от себя, чтобы не запылиться, положила на стул, сняла со стены полотенце и начала колотить меня им по голове, по лицу, по всему туловищу, — пыль летела столбом.

Это продолжалось довольно долго. Маня колотила меня так сильно, что иногда даже чувствовалась боль, но я не смущалась, потому что мне очень было бы неприятно показаться гостям в виде замарашки.

— Противная кукла, сколько с тобою хлопот! — с досадою вскричала девочка, когда мать ее вышла из комнаты, и мы остались одни.

Ната никогда не говорила со мною таким тоном, а потому слова Манечки показались мне очень обидными.

— Ну же, поворачивайся, — продолжала она, напяливая на меня платье, и так высоко подняла мою руку, что она даже хрустнула и подломилась около того места, где начинается плечо.

Я, конечно, почувствовала страшную боль,

но так как куклы ни плакать, ни кричать не могут, то волей-неволей казалась спокойной.

Что же касается Мани, то она, должно быть, струхнула: личико ее покрылось бледностью, несколько минут она стояла молча, в нерешимости переминалась с ноги на ногу, затем, словно что-то сообразив, схватила меня и чуть не бегом бросилась в соседнюю комнату, где работала портниха.

— Анна Игнатьевна, — обратилась она к ней, — помогите! С моей куклой случилось несчастье: я стала одевать ей платье и по неосторожности сломала руку, — нельзя ли как зашить?

Портниха внимательно осмотрела мою руку, сказала, что опасности нет, и обещала сейчас же все исправить.

Маня успокоилась. С этого дня она уже обращалась со мною осторожнее, хотя все-таки особой любви не выказывала и при каждом удобном случае или говорила какую-нибудь колкость, или старалась ущипнуть, а иногда даже втихомолку и колотушками потчевала.

Чем чаще это повторялось, тем я больше

и больше мечтала о том, что не дурно было бы попасть к Параше, про которую мама Манечки говорила так много хорошего; мне почему-то казалось, что Параша должна походить на мою незабвенную Нату, что у нее мне будет гораздо лучше и что она не станет обижать меня.

Параша, как уже сказано выше, была дочь нашего дворника. Она жила со своими родителями во дворе, в крошечной избушке, называемой дворницкой, и иногда приходила играть к Мане, что для нее составляло большое удовольствие.

— Я вам завидую, барышня, что вы имеете такую превосходную куклу, — сказала она однажды: — давайте играть с нею.

— Нет, — сухо отозвалась Маня, — эта кукла мне надоела, давай играть иначе.

Параша не смела спорить.

— Вчера я прочитала очень интересную сказку про прекрасную царевну, — продолжала Маня. — Эта царевна всегда ходила в голубом плаще, в голубой толковой шапочке с перьями и держала в руках веер. Прогуливаясь по своему государству, она милостиво кланя-

лась народу на обе стороны и махала веером,

из которого сыпались конфеты, фрукты, мармелад и всякое лакомство. Живущие в ее царстве дети с нетерпением, поджидали, когда царевна появится на улице, и увидав ее издали, бежали навстречу. Каждый старался пробраться ближе, чтобы захватить больше расточаемого ею гостинца, но царевна раскидывала гостинцы так ловко, что они попадали только детям добрым, послушным; злые же, капризные, не получали ничего, а если им случайно удавалось поймать на лету какую-нибудь конфетку или яблоко, то эти конфеты или яблоки сейчас же превращались в камни... Поняла? — сказала в заключение Маня, взглянув вопросительно на Парашу.

— Поняла, — отозвалась последняя.

— Так вот, я и хочу предложить тебе играть в «Прекрасную Царевну».

— Но вы говорите, что царевна всегда ходила в голубом плаще, а у нас его нет, да и, кроме того, я такой игры совсем не знаю.

— Она очень проста, научиться не трудно: мы начнем с того, что я буду представлять собою царевну, а ты толпу уличных детей.

— Да плащ-то, плащ где?

— Ах, постой, не перебивай, пожалуйста, — все найдем, все сделаем!.. Дай мне мамин шелковый платок, который лежит на комодe.

Параша подала платок.

Маня распустила его во всю длину и накинула на плечи в виде плаща, затем достала лист бумаги, в один миг смастерила из него что-то в роде шапочки, воткнула спереди два пера, надела на голову, и, взяв в руки веер, принялась важно разгуливать по комнате, делая вид будто рассыпает конфеты и лакомство.

Параша ловила мнимые конфеты очень усердно и представляла собою то добрую девочку, то злую: в первом случае она делала веселые глазки и улыбалась, во втором — становилась печальною. Что касается меня, то я в продолжение этого времени молча лежала на полу всеми забытая, всеми покинутая.

Когда Мане приходилось проходить мимо, она задевала шлейфом за мои волосы, а иногда — так даже бесцеремонно отталкивала ногою.

Наконец, игра в «Царевну» ей прискучила, да и, кроме того, Параша должна была уxo-

дить домой.

— Барышня, — сказала она, прощаясь, — если бы вы отпустили ко мне вашу куклу погостить хоть на один денечек... я бы была так счастлива...

— С большим удовольствием. Пусть она остается гостить у тебя до тех пор, пока я за нею не пришлю; откровенно говоря, мне даже приятно будет подольше не видеть ее, она меня раздражает, я за нее только выговор от мамы получаю: то надо ее причесывать, то одевать, а это вовсе невесело. Возьми, возьми, пожалуйста, ты доставишь мне большую радость.

Параша не заставила дважды повторять себе предложение и, поспешно подняв меня с полу, понесла домой.

— Неужели ты получила в подарок такую дорогую куклу? — спросила жена дворника, когда она показалась на пороге.

— Нет. Манечка дала мне ее только на поддержание, — возразила Параша, посадив меня на деревянный табурет, вокруг которого сейчас же собралась вся семья, чтобы разглядеть меня ближе.

Восклицаниям и восторгам не было конца: в особенности восторгалась Параша. Она взяла меня к себе на колени, прижала к груди, целовала, ласкала. Я была счастлива, мне вспомнилось доброе, хорошее время, когда я жила у Наты, и я готова была отдать все-все на свете, лишь бы остаться навсегда в бедном жилище дворника и не возвращаться в роскошные комнаты Манечки, где я не видела ничего, кроме постоянных оскорблений.

Когда наступил вечер, Параша сняла с меня платье, повязала на голову платочек, чтобы волосы не спутались, и уложила спать вместе с собою. Отец ее после ужина ушел на ночное дежурство, а мать долго еще прибиралась в каморке. Я следила за нею с большим любопытством, мне первый раз приходилось видеть обстановку бедных людей, у которых я чувствовала себя теперь так хорошо, так отрадно...

На следующее утро Параша встала очень рано и первым делом принялась за мой туалет.

— Сколько на тебе пыли, моя дорогая Милочка, — сказала она, обратившись ко мне, —

дай-ка я тебя вымою.

С этими словами девочка намочила носовой платок и принялась тщательно обтирать мне лицо.

— Боже мой! — вскричала она вдруг, взглянув на меня пристально. — Что я наделала!

Услыхав эти слова, я взглянула в висевшее на стене небольшое зеркальце и с ужасом увидела, что лицо мое сделалось совершенно бледное: ни малейшей кровинки не было заметно на моих щеках, ни малейшей краски на губах, лоб, нос, рот, щеки — все слилось в одну общую белую массу, только глаза смотрели по-прежнему весело и казались еще яснее, потому что были хорошо вымыты.

«Маня теперь еще меньше будет любить меня», — подумала я, не отрывая взора от зеркала, в то время, как Параша принялась дрожащими от волнения руками причесывать мои волосы.

— Что с тобою, Параша, ты плачешь? — сказала вошедшая в эту минуту с самоваром в руках жена дворника.

Параша указала на меня.

— Испортила куклу? — продолжала мать

девочки. — Что теперь делать, как сказать бабышне? Она у нас такая капризная.

Параша заплакала еще сильнее.

— Ты должна сейчас же, сию минуту, идти к ней, вернуть куклу и просить прощения.

Параша несколько минут стояла в нерешимости, по ее хорошенькому личику катились крупные слезы, я видела, что она сильно огорчена... Мне было жаль ее, но в то же самое время еще больше жаль саму себя.

— Иди, иди, — торопила жена дворника.

Параша взяла меня на колени, кое-как завернула в большой платок, — вероятно, для того, чтобы я не простудилась, и тихо поплелась по направлению к квартире родителей Мани.

Трудно передать все то, что я перечувствовала в промежуток нашего перехода: мне живо представилось задорное личико моей маленькой госпожи, живо представилась прерзительная улыбка на ее хорошеньких губках, и я ясно слышала ее голос: «фу, какая противная кукла, забросьте ее куда-нибудь и никогда мне не показывайте!..»

Но вот, наконец, мы вошли в комнаты. Па-

раша старалась ступать как можно тише, осторожнее, словно крадучись, и, миновав все комнаты, пробралась прямо в помещение портнихи, которую застала за работой.

— Анна Игнатьевна, — сказала она, захлебываясь слезами: — помогите в беде, ради самого Бога!

— В чем дело? — спросила Анна Игнатьевна.

Параша передала все то, что нам уже известно, сказав в заключение, что ей ведь уже приходилось чинить меня после того, как Манечка вывихнула мне руку.

— То было легче исправить, — возразила Анна Игнатьевна, — теперь же я ничего не могу поделать: нужны краски, а у меня их нет.

Параша закрыла лицо руками и, уткнувшись в угол, едва сдерживала душившее ее рыдание.

— Я, право, не понимаю, чего вы так тревожитесь? — ласково заговорила портниха. — Наша барышня никогда не любила особенно Милочку, а теперь, наверное, давно о ней перестала и думать. Идите с Богом домой, я убе-

ру куклу в шкаф, и если Манечка когда-нибудь пожелает видеть ее, то скажу, что она испортилась просто от пыли и сырости.

— Но ведь это будет ложь! — воскликнула Параша. — Лгать стыдно и грешно! Я никогда никому не лгала во всю свою жизнь!

Анна Игнатьевна еще что-то хотела сказать, но в эту минуту в соседней комнате слышались шаги; Параша задрожала словно в лихорадке; Анна Игнатьевна поспешила ее успокоить, и, быстро отворив платяной шкаф, сунула меня на одну из его полок.

Я очутилась среди различных тряпок, ящиков и прочих тому подобных вещей и хлама.

Грустно мне было, очень грустно; много различных дум, — одна другой печальнее, одна другой неутешнее, проносились в моей бедной голове, но делать было нечего, оставалось одно — молчать и покориться...

Долго ли пролежала я таким образом в шкафу, определить не могу, куклы не умеют считать ни дней, ни недель, ни месяцев, но так как на свете всему бывает конец, то в один прекрасный день, и мое томление окончилось.

К Манечке приехала ее кузина. Набегавшись вдоволь по саду и наигравшись в разные игры, она вдруг вспомнила обо мне и приказала сейчас же принести меня в детскую.

— Что с нею случилось? Какая она бледная, — заметила девочка, взглянув на меня.

— Да, противная. Я больше не хочу играть с нею, прикажу выбросить, — добавила Маня.

— Зачем бросать? Лучше подари мне.

— Охотно, даже со всеми платьями, кроватью и письменным столом. Прошу вас, соберите все это, — обратилась она к Анне Игнатьевне.

У меня отлегло от сердца: во-первых, потому что никто не интересовался узнать причину моей бледности, что, конечно, избавляло добрую портниху от необходимости солгать, а во-вторых, Соня всегда казалась мне ласковой девочкой, и я заранее предвидела, что жизнь у нее будет гораздо приятнее, чем жизнь у Манечки.

Глава четвертая

Моя болезнь

Соня ни лицом, ни душевными качествами нисколько не походила на Манечку.

Со мною она обращалась очень хорошо и, придя домой, сейчас же забинтовала мою больную руку, обвязала мою голову шерстяным платком, уложила меня в кровать, закрыла одеялом, приставила к кровати игрушечный столик, налила в крошечную фарфоровую чашечку, величиною не больше наперстка, сахарной воды и через каждые пять минут подбегала ко мне, спрашивая, не хочу ли я пить, не холодно ли мне, не жарко ли?

Вечером к ней пришли в гости две знакомые девочки.

— Очень рада вас видеть, — сказала она, выйдя к ним навстречу, — но только прошу сегодня не шуметь и не бегать.

— Почему? — спросили девочки.

— Потому что у меня больная.

— Кто?

— Новая кукла, которую мне подарила Мачечка.

Катя и Люба — так звали девочек — осторожно, на цыпочках, вошли в детскую.

— Я умею лечить, и если хочешь, берусь поставить на ноги твою куклу, — предложила Катя.

— Ах, пожалуйста.

Катя подошла к моей кровати, взяла меня за руку, чтобы пощупать пульс, как делают доктора, и проговорила тихо:

— Бедняжечка, у нее сильный жар; болезнь серьезная, надо немедленно принять меры.

Соня и Люба взглянули на нее вопросительно, они не поняли, что значит: «принять меры?»

— Надо сейчас же обложить ее горчичниками, компрессом⁸ и прописать лекарство, которое она должна принимать аккуратно, — поспешила объяснить Катя и, присев к столу, начала строчить рецепт.

В эту минуту дверь в соседнюю комнату отворилась, и на пороге показалась мама моей Сонечки.

— Что ваша больная? — спросила она с улыбкой.

— Лежит. Катя обещала вылечить, — отвечала Соня, — но только не знаю наверное — как ей это удастся.

— Я слышала ваш разговор, — продолжала мама. — Катя отличный доктор, болезнь определила верно и лекарство прописала хорошее, но, по-моему, для того чтобы Милочка скорее поправилась, ее надо лечить не дома, а отдать на несколько дней в лечебницу, откуда она вернется совершенно здоровою.

— Ты думаешь?

— Я в этом вполне убеждена; ручаюсь тебе головой, что менее чем через неделю Милочка сделается неузнаваема.

— Так что же, — отозвалась Соня, взглянув на подруг, — разве согласиться?

— Конечно, — в один голос отвечали последние.

Несколько минут продолжалось молчание. Соня смотрела на меня с любовью, ей словно жаль было расстаться со мною даже ненадолго, и в то же самое время она ясно сознавала, что это необходимо.

— Мама, я согласна, — проговорила, наконец, девочка, — бери мою Милочку, отправляй в лечебницу, но только с условием, чтобы она оттуда вернулась здоровою.

Мама взяла меня из рук девочки, снесла в соседнюю комнату и, обернув в чистую салфетку, приказала прислуге отнести в игрушечный магазин.

«Так вот в какую лечебницу меня отправили», — подумала я и совершенно успокоилась относительно того, что мне не придется глотать горькие лекарства и ощущать жгучую боль горчичников.

Игрушечных дел мастера я несколько не боялась, он умел обращаться с нами превосходно — и ровно через два дня починил мою руку как нельзя лучше, а затем осторожно, мягкой кисточкой, раскрасил мои щеки и губы точно так, как они были раскрашены прежде.

Глава пятая

В городском саду

Не берусь описывать восторг, с которым меня встретила Соня, когда я вернулась из лечебницы: ласкам, поцелуям, разговорам не было конца. Затем, когда первый порыв радости несколько улегся, девочка занялась моею прической и туалетом, обещая взять с собою гулять в городской сад, расположенный поблизости от нашей квартиры.

Я никогда не бывала в этом саду, а потому предстоящая прогулка туда казалась мне очень интересною.

Погода стояла превосходная, в воздухе пахло цветами. Детей в саду собралось очень много, все они были хорошо одеты и приходили или с матерями, или с нянями, или с гувернантками, которые усаживались на скамейках в то время как дети резвились и бежали около.

Соня сначала некоторое время играла одна, не спуская меня с рук и не отходя от своей мамы. Ее очень забавляло то, что почти все

проходившие мимо девочки обращали на меня внимание, некоторые даже останавливались и спрашивали, как меня зовут, много ли у меня платьев, кто их шьет... Соня отвечала им с большим удовольствием, продолжая сидеть около матери до тех пор, пока две знакомые девочки не пригласили ее играть с ними в жмурки.

— Побереги мою Милочку, — обратилась она тогда к матери и уже встала с места, чтобы идти за подружками, как вдруг услышала позади себя плач маленького ребенка.

— Не смотри на нее, она разревется еще больше, — шепнула одна из подруг, — это наша младшая сестренка Настя.

— Чего же она плачет? — спросила Соня.

— Ей хочется идти с нами.

— Пускай идет.

— Не надо, она еще слишком мала, не может бегать так скоро, как мы, и только помешает.

— Не помешаю, я буду умница, буду послушна, только возьмите меня с собою, — взмолилась малютка, услышавшая слова старших.

— Вот тебе моя кукла, поиграй с нею, — сказала Соня, желая чем-нибудь ее успокоить.

Личико девочки в одну минуту прояснилось, она перестала плакать, посадила меня к себе на колени и принялась расспрашивать мать Сони, откуда она достала такую красивую куклу.

Тут же, рядом на скамейке, сидели еще три дамы, тоже, вероятно, пришедшие в сад со своими детьми. Рассказ матери Сони про то, как Ната решилась разыграть меня в лотерею, очень заинтересовал всех.

— Вы говорите, что эта кукла раньше принадлежала девочке по имени Ната, которая по своей сердечной доброте разыграла ее в лотерею, чтобы вырученные деньги отдать бедным? — спросила одна из слушательниц.

— Да.

— Я ее знаю, это чудная девочка. Для доброго дела она не остановится ни перед какой жертвой, а разлука с Милочкой для нее была действительно жертвой. Представьте себе, когда Милочку унесли, она до того скучала, что чуть не расхворалась.

О, с каким восторгом я слушала слова

незнакомой дамы, как дорога мне была в эту

минуту Ната; я вся превратилась в слух, ловила каждое слово, желала, чтобы дама продолжала разговор как можно дольше, но, к крайнему моему сожалению, в эту минуту среди игравших по близости детей раздались громкие крики. Дама замолчала.

— Вон, вон отсюда! Как ты смела войти в нашу компанию! — кричала одна из девочек, одетая в нарядное платье и дорогую модную шляпку, — твое место не здесь, иди играть на улицу с такими же оборвашками, как сама.

Мама Сонечки и разговаривавшая с ней дама поспешно обернули головы по тому направлению, откуда доносился крик. Обернулась и маленькая девочка, которая держала меня на руках. Благодаря ее движению, я тоже могла видеть все, что там происходило.

Боже мой! Как болезненно забилося мое сердце, когда, всмотревшись хорошенько, я вдруг узнала, что угроза относилась к одной маленькой, очень плохо одетой девочке, в которой мне было не трудно узнать Парашу...

Оказалось, что Параша тоже пришла в городской сад и тоже захотела порезвиться

с остальными детьми, но дети не приняли ее, потому что она бедна и дурно одета.

— Параша, Параша, не слушай их, они тебя оскорбляют, они злые, гадкие! — пыталась я кричать, напрягая свои силы, но изо всех моих стараний, конечно, ничего не вышло — я не могла произнести ни звука и продолжала молча улыбаться в то время, когда меня душили слезы... когда мне хотелось говорить, кричать плакать!.. Сонечка между тем подошла к нашей скамейке.

Приключение с Парашей подействовало на нее неприятно; она не хотела больше играть с остальной компанией, и, нагнувшись к уху матери, проговорила едва слышно: «Уйдем отсюда, я устала...»

Глава шестая

Моя свадьба

Прогулка в городском саду и неожиданное сведение о Нате доставили бы мне много удовольствия, если бы только это удовольствие не омрачилось печальным приключением с Парашей. Но, в общем, я все-таки рада была видеть Парашу. Придя домой, долго о ней думала и с нетерпением ожидала завтрашнего дня, рассчитывая, что Соня, наверное, пожелает повторить прогулку.

Но недаром у людей сложилась поговорка: «Человек предполагает, а Бог располагает» — так точно вышло и со мною.

На следующее утро Соня проснулась с головною болью, которая после завтрака усилилась настолько, что ей пришлось лечь в постель. Идти в сад нечего было и думать, так как явившийся на приглашение матери доктор объявил, что она больна серьезно.

В доме поднялась суматоха; обо мне, конечно, все забыли, я лежала в столовой на диване, брошенная без внимания, лежала до тех

пор, пока, наконец, проходившая мимо горничная сжалилась и убрала меня в комод, сквозь полуоткрытый ящик которого я могла слышать и видеть все, что вокруг происходило.

Соня около двух недель находилась между жизнью и смертью, но затем, благодаря искусству доктора и уходу окружающих, дело пошло на поправку. Она начала вставать и кушать.

— Где моя кукла? — спросила она однажды.

Мама повторила ее вопрос горничной, которая сейчас же поспешила вынуть меня из ящика.

«Боже мой, как изменилась бедная Соня! — подумала я, глядя на бледные ввалившиеся щеки моей маленькой госпожи. — Куда девался ее румянец, ее улыбка!»

— Здравствуй, Милочка, — сказала она едва слышным голосом, сажая меня рядом с собою на кровати, — давно мы не виделись, но это не помешало мне во время болезни думать о тебе часто. Бедная моя Милочка, я вижу, что твое платье совсем измялось и испач-

калось. — Дуня, — обратилась она к горничной, — дай сюда ящик, в котором лежат туалетные принадлежности Милочки.

Дуня повиновалась.

Сонечка начала одевать меня и едва успела застегнуть последнюю пуговку, как в комнату вбежала ее маленькая подруга Зина Неверова.

Девочки не видались давно, у них нашлось очень много чего интересного сообщить друг другу, а потому разговор шел неумолкаемый. Главным образом, они говорили, впрочем, обо мне, решив на общем совете, что как только Соня поправится, так сейчас же первым делом устроит для меня кукольный праздник, то есть созовет знакомых девочек, предложив каждой из них принести с собою куклу. Всех нас вынесут в сад, посадят рядом, станут угощать фруктами, тортом, шоколадом, а потом начнутся танцы.

— Ах, как будет хорошо, как весело! — вскричала Сонечка, всплеснув руками, — какая ты умница, Зина, что придумала такую игру.

— Постой, постой! — перебила Зина. —

Сейчас мне мелькнула новая мысль...

— Какая?

— Не будет ли еще веселее, если вместо бала, мы устроим... знаешь, что?

— Что?

— Свадьбу куклы Милочки.

«Вот тебе раз, — подумала я, — мне совсем не хочется выходить замуж; пожалуй, придется уехать от Сони к какой-нибудь другой девочке, которая не станет беречь меня!»

— Да, ты права, — отвечала между тем Соня, — свадьба интереснее бала уже потому, что приготовление к ней больше: когда устраивают бал, то думают только о том, чем угостить приглашенных, во что одеться; перед свадьбой же заботы гораздо сложнее.

— Конечно, перед свадьбой надо, кроме угощения, еще насчет приданого⁹ подумать.

— А это ведь как весело!

И обе маленькие подруги начали серьезно обдумывать вопрос, каким образом взяться за дело.

На следующее утро Соня даже сообщила обо всем матери, которая, ласково улыбнув-

шись, предложила услуги помогать кроить и шить приданое. Соня была в восторге.

Работа началась поспешно и, как говорится, закипела ключом. Зина Неверова и еще две-три любимых подруги моей маленькой госпожи являлись ежедневно после завтрака и вплоть до самого обеда, а иногда даже и до вечера, занимались шитьем моих платьев, пальто, кофточек, шляпок и тому подобных вещей, затем начались хлопоты по закупке кухонной, столовой посуды и прочих принадлежностей домашнего хозяйства.

Сонечка, конечно, суетилась больше всех, несмотря на то, что мама и подруги напоминали ей, что она едва успела поправиться после болезни и поэтому должна быть осторожна. Но Соня на все такие замечания только рукой махала; ей было не до того, чтобы думать о себе, она старалась, главным образом, устроить все для меня как можно лучше, как можно параднее. Моя дорогая, хорошая Сонечка!..

Но вот, наконец, все хлопоты пришли к концу: девочки назначили день свадьбы...

Соня, с помощью подруг, приготовила в саду стол, устала на него фрукты, конфеты и,

когда все оказалось готовым, начала одевать меня в белое толковое подвенечное платье, причесала мои волосы, покрыла их длинной газовой10 фатой и торжественно объявила, что сейчас должны приехать несколько женихов, из которых она выберет для меня самого красивого.

Женихи не заставили себя ожидать. По прошествии самого непродолжительного времени дверь детской отворилась и на пороге показалась Катя и Любочка, они держали в руках по довольно большому свертку.

— Привезли? — спросила Сонечка.

— Да, — отозвалась Катя и, развернув бумагу, вынула оттуда картонного полишинеля 11, который с помощью привязанного к ногам и рукам шнурка выделявал преуморительные прыжки и кривлянья.

— Такого жениха я не хочу для Милочки, это клоун, он ей не подходит, — заметила Соня недовольным тоном.

Катя отложила в сторону клоуна, и, развязав следующий сверток, показала красивенького черноволосого трубочиста, державшего в одной руке метлу, а в другой лестницу.

«Вот идет Петруша, черный трубочист, Он хотя и черен, но душою чист!»

Нараспев проговорила она, подводя ко мне черномазого трубочиста.

«Ну уж жених! — подумала я. — Неужели меня за него просватают?.. Быть женою трубочиста! Фу, какая гадость!»

— Не годится, не годится! — громко крикнула Сонечка, замахав руками. — Никогда не отдам Милочку за трубочиста.

«Слава тебе, Господи! Отлегло от сердца. Сделаться женою трубочиста было бы верхом несчастья», — продолжала я мысленно рассуждать сама с собою и очень обрадовалась, когда трубочист был тоже отложен в сторону.

— Я вижу Катины женихи не годятся, — заметила тогда Любочка, — не угодно ли познакомиться с моими? Вот хотя бы с этим господином, — добавила она после минутного молчания, достав из бумаги белокурого матроса, — мальчик хоть куда, зовут его Мишута, он только что вернулся из кругосветного плавания и привез много ценных вещей, кото-

рые, конечно, все без исключения, поспешит подарить Милочке, если она выйдет за него замуж.

— Этот еще, пожалуй, ничего, — отозвалась Соня, — хотя, собственно говоря, сделаться женою матроса тоже незавидно!

— Я вижу, Сонечка, что ты очень разборчива, — упрекнула тогда Катя свою маленькую подругу.

Соня вместо ответа молча взглянула на меня, как бы спрашивая моего согласия.

— Есть у меня еще один жених, — продолжала Катя, принимаясь разворачивать последний сверток, — если и он не придется по вкусу, тогда уж Милочке не бывать никогда замужем. Вот посмотри, полюбуйся!

С этими словами она поставила передо мною фарфорового гусара, такого нарядного, такого красивого, что просто загляденье.

— Граф Красота-Красоткин, — отрекомендовала его Катя.

— Граф мне нравится, — отозвалась Соня и сейчас же дала согласие, против которого я тоже ничего не имела, так как сделаться женою фарфорового графа и получить титул

«графини» мне казалось очень приятным, — все будут называть меня ваше сиятельство... Ах, как это хорошо! Как весело!

— Итак, вопрос решен! — в один голос воскликнули девочки. — С этой минуты Милочка считается графиней.

— Граф, пожалуйста сюда, — обратилась Соня к моему мужу, — садитесь подле вашей супруги, угощайте фруктами и вообще старайтесь быть любезным, как подобает каждому благовоспитанному юноше.

Нас посадили рядом, вокруг разместились гости, началось угощение. Подали шоколад, затем фрукты, конфеты, сладкий пирог, в заключение — Соня разносила в маленьких стаканах лимонад и предложила тост за здравие «их сиятельств».

— Ура! ура! — слышалось со всех сторон, я торжествовала. По окончании обеда нас пересадили в маленькую плетеную колясочку и повезли кататься по саду.

Все шло превосходно до тех пор, пока Любочка, тащившая за дышло наш экипаж, вдруг так круто повернула с одной дорожки на другую, что он опрокинулся.

Я не успела опомниться, как очутилась на земле. Мой муж лежал тут же, с разбитою на мелкие куски головою, без рук, без ног...

— Стой, стой! — с испугом крикнули Катя и Соня. — Посмотри, что ты наделала!

Любочка обернулась, на лице ее изобразился ужас. Жаль ей стало бедного графа, но помочь горю оказалось невозможно. Она печально склонила голову, остальные девочки тоже приуныли и около получаса сидели молча.

— Милочка овдовела, — сказала, наконец, одна из них нерешительно.

— Овдовела, овдовела, — подхватили остальные, и, сняв с меня венчальный костюм, сейчас же переодели в черное платье, отнесли в детскую, а сами, вернувшись в сад, принялись играть и прыгать как ни в чем не бывало.

Глава седьмая

Меня похитили

В продолжение остального дня мне пришлось быть совершенно одной. После случившейся катастрофы с фарфоровым графом девочкам надоело играть в куклы.

Да и кроме того, вероятно, я нравилась им гораздо менее в траурном костюме, чем в подвенечном платье.

Потому, позабыв о моем существовании, они, как уже сказано выше, продолжали играть в саду в разные игры вплоть до самого вечера, с наступлением которого маленькие гости разъехались.

— Бедная Милочка, — обратилась тогда ко мне Соня, — я совсем о тебе забыла; прости, дорогая, не сердись, я постараюсь загладить мой проступок и первым делом сообщу тебе приятное известие. На днях мы отправляемся за границу, на морские купанья, по этому случаю мама заказала нашей портнихе несколько платьев для себя, для меня и для тебя, — добавила она шепотом. — Ее сиятельство,

вдова графа Красота-Красоткина не может быть одета кое-как, не по-модному: завтра тебя отправляют в мастерскую дамских нарядов, где старшая закройщица сама займется твоим туалетом.

Слова девочки, конечно, очень обрадовали меня; я перестала думать о разбитом фарфоровом графе и занялась мыслью о предстоящей поездке за границу и о тех модных костюмах, которые сулила мне Сонечка.

На следующее утро меня действительно вместе с целым ворохом кружев, лент и материй отнесли в мастерскую дамских нарядов, и Марья Дмитриевна, так звали старшую закройщицу, собственноручно начала снимать с меня мерку.

— Ваше сиятельство, поверните шею, вытяните ручку, ваше сиятельство, дайте смерить длину вашей талии, — говорила она почтительно.

Я гордо посматривала по сторонам и чувствовала себя в мастерской так хорошо и приятно, что не отказалась бы остаться там на целый год, но так как это, конечно, было невозможно, то по прошествии известного

времени меня снова отнесли к Соне.

— Прекрасно, превосходно, восхитительно, — повторяла последняя, разглядывая мои костюмы и начиная примерять на меня каждый из них по очереди.

В доме, между тем, шли деятельные приготовления: мать Сони торопила отъездом. Горничные, лакеи, кухарка с утра были на ногах, прибирая квартиру и укладывая вещи, которые предполагалось брать с собою.

— Милочку прикажете уложить в чемодан или возьмете на руки? — спросила одна из горничных, обращаясь к моей маленькой госпоже.

— Что ты, Маша, разве можно говорить такие вещи? — с досадою возразила Сонечка. — Ты забываешь, что Милочка графиня, я никогда не позволю уложить ее в чемодан наравне с вещами; она поедет со мною, будет сидеть в вагоне, у нее есть для путешествия прекрасный дорожный костюм, а ты вдруг предлагаешь в чемодан уложить!.. Какое оскорбление!

— Простите, дорогая барышня, я вовсе не желала оскорбить ее сиятельство, — улыба-

нулась горничная, и поспешила уйти из комнаты, чтобы продолжать укладку.

Я с благодарностью взглянула на Сонечку; мне было приятно, что она за меня заступается и что во все время путешествия мы будем неразлучны.

Я с нетерпением ожидала отъезда; мне казалось, что дни тянутся необыкновенно долго, но вот, наконец, давно желанная, блаженная минута настала, мы очутились в вагоне, раздался один звонок, другой, третий, поезд запыхтел, тронулся и покатил с каждой минутой все скорее и скорее.

Мы сидели в отдельном купе. Соня нянчилась со мной, как с маленьким ребенком: то сажала возле себя на мягкий бархатный диван, то брала на руки и подносила к окну, показывая пальчиком на поля, луга, деревни, мимо которых проносился поезд.

В дороге мы оставались около трех суток, на четвертые вышли из вагона, и, пересев в экипаж, покатали по широкой улице прекрасного заграничного города, — как его называют, позабыла.

Первые дни пребывания там прошли для

меня невесело. Соня и мать ее с утра уходили осматривать различные достопримечательности, меня же оставляли одну в отеле, но затем, вероятно, вдоволь насмотревшись на все то, что их интересовало, стали ходить гулять только в городской сквер.

Соня почти каждый раз брала меня с собою, в сквере мы встречались со многими девочками, которые тоже имели куклы, но, говоря по совести, ни одна из этих кукол не была так красива и так нарядно одета, как я.

Я видела, что мною любовались, слышала, как девочки завидовали Соне и беспрестанно повторяли, что такой прекрасной куклы они еще никогда не видывали.

В особенности высказывала свой восторг одна маленькая немочка, старавшаяся всякий раз подсесть ближе к Соне, чтобы заговорить с нею, но Соня ее почему-то не любила, сторонилась, и на все вопросы отвечала коротко и нехотя.

Видя такое нерасположение моей госпожи, я тоже не влюбила эту девочку, — и вдруг, о, ужас!

Даже теперь не могу вспомнить без содро-

гания тот ужасный день, когда, придя однажды в городской сквер, Соня посадила меня на скамейку, а сама отошла в сторону играть с детьми, и когда во время ее отсутствия к скамейке подбежала немочка в сопровождении другой, совершенно незнакомой мне барышни.

Луиза, — так звали маленькую немку, — казалась очень встревоженной, в глазах ее виднелись слезы.

— Не горюй, право же плакать и убиваться нечего, — уговаривала ее незнакомая барышня, очевидно продолжая начатый разговор.

— Тебе хорошо говорить «не горюй», когда ты по-прежнему остаешься жить в семье, как жила раньше, а мне каково! Отдадут в пансион¹², оставят одну, среди совершенно чужих людей, заставят учиться, рано вставать, постоянно быть на вытяжке, очень весело, нечего сказать!

— Да ведь не ты одна будешь в этом пансионе, там десятки таких же маленьких девочек.

— Какое мне дело до других! Нет, нет это ужасно, я просто не знаю, что сделать для сво-

его утешения. Вот если бы, например, у меня была такая кукла, — добавила она, указывая на меня, и затем, нагнувшись к уху подруги, начала что-то нашептывать.

— Может быть, мама купит тебе такую куклу, — отозвалась подруга громко.

— Дождись! Во-первых, у мамы нет лишних денег, а во-вторых, она не захочет сделать этого, потому что я ленива, учиться не люблю... и, кроме того, меня все называют неряхой, грубой...

— Но, Луиза, ведь твоя мама права: ты действительно учишься плохо и относительно домашних держишь себя далеко не так, как следует.

Луиза взглянула на свою собеседницу сердитыми глазами.

— Это тебя не касается, — крикнула она с досады, — я не хочу слушать ни чьих советов, ни чьих нравоучений; в пансион, конечно, поеду, потому что не ехать нельзя, но поеду не иначе, как с этой куклой.

— То есть как с этой куклой, я не понимаю, ведь она же не твоя?

Луиза дрожащими руками схватила меня

со скамейки и в один миг спрятала под таль-мочку¹³.

— Что ты делаешь? — старалась остановить ее подруга.

— С этой минуты кукла принадлежит мне, — отозвалась Луиза.

— Но ведь брать чужое грешно, опомнись, тебе самой после будет стыдно; сейчас же, сию минуту, положи куклу на место, или я прямо пойду к той девочке, которой она принадлежит, и расскажу все.

— Ты этого не сделаешь.

— Сделаю, честное слово, сделаю.

— Тогда я скажу, что ты сама хотела унести куклу, но я не допустила и взяла ее спрятать для того чтобы вернуть потом.

— Луиза, перестань, опомнись!

Но Луиза больше не могла слышать слов подруги: крепко прижав меня к себе и стараясь закрыть полою, она пустилась бежать вперед без оглядки.

Глава восьмая

В пансионе

Дом, в котором жила маленькая Луиза со своими родителями, должно быть, находился очень близко от сквера, потому что я не успела опомниться, как уже очутилась в комнате и лежала в длинной картонке, сунутой в ящик высокого комода.

Что касается Луизы, то она сейчас же куда-то скрылась и вплоть до самого вечера не возвращалась.

Я оставалась одна в темноте, одна со своими печальными думами, и в полной неизвестности относительно будущего.

Но вот, наконец, послышались сначала чьи-то шаги, затем голоса, и затем дверь отворилась, и я увидела сквозь замочную скважину высокую пожилую даму, должно быть, мать Луизы, а за нею и саму Луизу, лицо которой было заплакано.

— Неужели завтра утром надо ехать? — сказала она упавшим голосом.

— Обязательно, мы и без того просрочили

несколько дней, дальше медлить невозможно; сегодня я распорядилась укладкой твоих вещей, не знаю только, куда ты положишь конфеты и фрукты, которые принесла бабушка... Ах, да, у нас была такая длинная картонка, она, кажется, стояла здесь, на комод.

При слове «длинная картонка» Луиза побледнела.

— Я найду ее и сама уложу конфеты, — отозвалась она, опустив глазки.

— Сумеешь ли?

— Конечно, это будет для меня большое удовольствие.

— Если это будет для тебя удовольствием, да еще большим — шутя, отозвалась мать, — то я не хочу тебе в нем отказывать.

И, передав девочке несколько свертков с лакомствами, высокая дама вышла из комнаты, после чего Луиза сейчас же поспешно открыла комод, вынула из него длинную картонку, в которой я находилась, и начала сверху донизу обсыпать меня конфетами.

— Я высыпала все, что было возможно, а конфет осталось еще почти половина, они никогда не войдут сюда! — вскричала она

с отчаянием. — Господи! Что делать, на что решиться? Надо очистить картонку во что бы то ни стало... А кукла? Как быть с нею, если мама ее увидит, то наверное спросит откуда она? Боже мой, Боже мой, какое ужасное, безысходное положение!..

И Луиза залилась горькими слезами.

Глядя на ее хорошенькое, сильно взволнованное личико, мне даже стало жаль ее, жаль настолько, что я готова была простить ей все и оказать содействие, но — увы! — какое содействие может оказать кукла, которую и саму-то легко каждому обидеть!

— Вот яблоки хорошие! Вот яблоки хорошие! — раздался в эту минуту на дворе детский голос.

Луиза опрометью побежала к открытому окну.

— Эй, мальчик! Постой! — крикнула она, прыгнув на подоконник. — Зайди сюда, я хочу поговорить с тобою, зайди так, чтобы никто тебя не видел и не слышал твоих шагов!

— Хорошо, — отозвался мальчик и, действительно, так тихо пробрался, что даже Луиза в первую минуту его не заметила; в одной

руке он держал корзинку, наполненную яблоками, а в другой — собственные туфли, снятые, вероятно, для того, чтобы не делать шума.

— Здравствуй, — шепнула Луиза.

Мальчик поклонился.

— Подойди ближе.

— Вы желаете купить яблоки?

— Нет, голубчик, не то, я до тебя имею совершенно другое дело.

— Дело? — с удивлением переспросил мальчик.

— Да, дело. Оно заключается в том, что я хочу просить тебя взять от меня половину тех конфет и лакомств, которые лежат вот тут, на полу.

Мальчик молча взглянул на картонку, где я находилась, и на раскиданные в беспорядке вокруг меня конфеты.

— Бери же скорее, бери одну половину, которую хочешь, все равно.

Мальчик не двигался с места. Луиза повторила предложение.

— Вы предлагаете конфеты, конечно, взамен яблок; я не могу на это согласиться, мне

нужны деньги, а не лакомство. Если я не распродам всех яблок, которые здесь в корзине, то нам не на что будет купить хлеба; мы люди бедные, живем на то, что заработаем! Лакомство для нас не надобно.

— Нет, голубчик, я предлагаю тебе конфеты вовсе не взамен яблок, а просто так, в подарок. Возьми, пожалуйста, ты этим мне сделаешь одолжение.

И не дожидаясь ответа, она подняла с полу один из картузов, чтобы пересыпать в корзинку заключавшиеся в них конфеты.

— Теперь уходи! — сказала она, когда конфеты оказались пересыпанными.

— Вы слишком много дали, барышня. Какая вы добрая, — отозвался мальчик. — Дай вам Бог здоровья. Мой маленький брат и я будем очень рады полакомиться такими вкусными конфетами. Но позвольте за них предложить вам хоть одно яблоко, это для меня уже не составит расчета.

— Не надо, не надо, ничего не надо, только уходи скорее. Ах, Боже мой, кажется, кто-то идет сюда! — вскричала она с отчаянием и, взяв маленького торговца яблоками за руку,

почти силою вытолкнула за дверь, а сама

принялась поспешно засыпать меня оставшимися конфетами.

И действительно — едва успела это окончить, как в комнату вошла мама. Луиза не выпускала из рук картонки, она боялась, чтобы кто из любопытства не открыл ее, не сдвинул с места конфеты, не увидал, что под ними спрятана совершенно незнакомая кукла, и успокоилась только тогда, когда картонку положили на дно большого чемодана и сверху прикрыли бельем и платьями.

«Что-то будет со мною дальше», — думала я во время переезда и, соскучившись лежать в чемодане, ожидала с нетерпением, когда вещи Луизы придут на место, и она начнет разбирать их.

Переезд в пансион совершился довольно скоро. Проводив мать и вдоволь наплакавшись о том, что приходится оставаться одной среди незнакомых подруг, Луиза от нечего делать пожелала разбирать чемодан.

— Можно посмотреть, что ты привезла с собою? — спросили ее подруги, обступив чемодан со всех сторон.

— Можно, — тихо отвечала Луиза и позвала горничную, чтобы попросить открыть крышку чемодана.

Девочки, одетые все одинаково, в коричневые платья и белые переднички, внимательно разглядывали каждую вещь: хвалили то, что им нравилось, пропускали без внимания то, что казалось не интересным.

И, добравшись, наконец, до моей темницы, чуть не в один голос спросили:

— Здесь что лежит?

Луиза молча открыла картонку.

— Какое множество конфет! — вскричали девочки.

— Да, тут, пожалуй, будет фунтов 14 20, — продолжала другая.

— Если не больше, — подхватила третья.

Луиза улыбнулась и вместо ответа на сделанные замечания предложила подругам попробовать конфет.

Девочки не заставили повторять себе любезного предложения: быстро накинувшись на картонку, они скоро опустошили ее до того, что добрались до меня.

— Mesdames 15, посмотрите, что я на-

шла! — вскричала Варя Зотова и, взяв меня за обе руки, вынула из картонки, причем одна часть недоеденных конфет посыпалась на пол, а другая прилипла к моему платью, к лицу, к волосам.

— Что за фантазия уложить куклу вместе с конфетами, ведь вы могли ее испортить? — заметила проходившая мимо классная дама.

— Мне было некуда больше убрать ее, — отозвалась Луиза, покраснев до ушей и невольно потупившись.

Классная дама укоризненно покачала головой, а Варя Зотова поспешно предложила Луизе отнести меня в уборную, чтобы смыть с моего лица раздавленную пастилу, мармелад и тому подобное.

С этой минуты я сделалась общей любимицей. Луиза больше меня не прятала, так как никто из присутствующих не мог подозревать, каким образом я ей досталась.

Варя Зотова и еще одна девочка Маня Чаплина занялись моим туалетом, все свободные от занятий часы они проводили со мною. Уходя на уроки, Луиза сажала меня в большой книжный шкаф в уборной, — воздуху там бы-

ло много, свету тоже достаточно, — я жила превосходно, запачканное конфетами платье мое было заменено другим.

Варя умела кроить и шить по журналу, Маня помогала ей, Луиза была этим очень довольна, и, как я уже сказала выше, все свободные от занятий часы посвящались мне, благодаря чему через неделю у меня оказался роскошный туалет, которому позавидовала бы самая известная щеголиха.

Все меня баловали, все любили, все знали, что я называюсь Милочкой и что, кроме того, еще величаюсь «Ее Сиятельством».

Глава девятая

Раскаяние

Месяц спустя после водворения нашего в пансионе Луиза простудилась во время прогулки и заболела так серьезно, что ее пришлось отправить в лазарет.

Бедняжка находилась почти в бессознательном состоянии; я видела, как ее положили на носилки, закрыли одеялом и понесли.

Грустно забилося мое кукольное сердечко, я уже успела привыкнуть к ней, почти полюбить ее, и очень боялась, что она умрет и что больше нам не удастся видеться... но по счастью этого не случилось, — Луиза стала поправляться. Как только она почувствовала себя крепче, первым делом потребовала, чтобы меня принесли к ней.

— Здравствуй, графинюшка, — ласково обратилась она ко мне, — я без тебя соскучилась, да и ты без меня, наверное, тоже, но зато теперь мы больше не расстанемся. Агата — так зовут нашу лазаретную даму — сказала, что ты можешь день и ночь оставаться

со мною. Агата очень милая и добрая женщина, ты, наверное, полюбишь ее, а какие чудные сказки она рассказывает, просто заслушаться можно! Да вот, кажется, она и идет сюда.

Агата действительно в эту минуту вошла в комнату. Я взглянула на нее с любопытством и сейчас же мысленно согласилась, что Луиза права, считая ее за милую, добрую женщину. Столько любви, столько ласки, столько святости какой-то выражалось на ее старческом, покрытом морщинами лице, что я сразу поняла и согласилась, что не любить эту женщину невозможно.

Тихою поступью подошла она к кровати Луизы, в одной руке держала склянку¹⁶ с лекарством, в другой — стакан и ложку.

— Вы опять несете противную микстуру; я не могу ее пить, она горькая, — заговорила Луиза, едва сдерживая слезы, и, видимо, решив не принимать противное лекарство, быстро уткнула лицо в подушку.

Агата принялась ее уговаривать, но Луиза не поворачивала головы, продолжая лежать неподвижно. Прошло несколько минут.

— Так вы отказываетесь от лекарства? — заговорила, наконец, лазаретная дама, стараясь придать своему голосу более строгое выражение.

Ответа не последовало.

— Хорошо, с этой минуты вы не услышите ни одной сказки, ни одной историйки, а я только что собиралась рассказать вам случай из собственной жизни, то есть из времени моего детства, — случай интересный, он, главным образом, касается бывшей моей любимой куклы, которая чрезвычайно походила на вашу графинюшку.

— Вы хотели мне его рассказать? — отозвалась Луиза, приподняв голову.

— Но только в таком случае, если бы вы приняли лекарство.

Луиза постаралась улыбнуться и проговорила шепотом:

— Я согласна.

Затем открыла рот, подставила его Агате, а Агата не замедлила воспользоваться благоприятной минутой, чтоб влить туда лекарство.

— Ай, как гадко, как противно! — вскрича-

ла моя немочка, зажмурив глаза и сделав страшную гримасу, но Агата поспешила вынуть из кармана барбарисовый леденчик, подала его Луизе и, присев на стоявшей около кровати табуретке, приступила к обещанному рассказу:

— Когда я была маленькой девочкой, такую же, как вы, даже, пожалуй, еще моложе, — начала она своим всегдашним ласковым голосом, — моя крестная мать подарила мне прекрасную куклу с белокурыми вьющимися волосами, которые можно было заплетать в косы и завивать в локоны. Куклу эту я очень любила, не спускала с рук по целым дням, на ночь укладывала спать около себя на стуле, всюду, куда только было можно. Я брала ее с собою, сама шила для нее платье, белье, шляпки, одним словом, забавлялась точно так же, как вы с вашей графинюшкой.

Зиму родители мои жили в городе, а летом уезжали на дачу. Я очень любила летнюю жизнь, потому что большую половину дня проводила в саду или в парке, где мне было удобно катать мою куклу в нарочно купленной для этого плетеной колясочке. Мы совер-

шали далекие прогулки, несмотря на то, что мама моя всегда бывала против этого.

«Маленькой девочке не следует отходить от дому», — повторяла она каждый раз, как видела наши сборы, но я не хотела с нею согласиться и с каждым разом все дальше и все дальше углублялась в парк, где было столько разных красных полевых цветов, столько прекрасных птичек, бабочек...

Забравшись однажды уже слишком далеко, я почувствовала, что мне делается страшно, и хотела воротиться, как вдруг из-за угла показался какой-то человек с длинными черными волосами, он нес на плечах шарманку 17 и кожаный ящик.

«Здравствуй, девочка, — сказал он, взглянув на меня исподлобья. — Куда пробираешься?»

Я задрожала от страха и не могла ничего ответить.

«Какая у тебя прекрасная кукла, — продолжал, между тем, незнакомец, — она как раз подходит под пару моему китайцу...»

С этими словами он спустил на землю шарманку, открыл ящик и начал показывать

мне находившихся там кукол, которые были одеты китайцами, испанцами, итальянцами.

При виде кукол я ободрилась, сделала шаг вперед и даже решилась заговорить.

«К чему вы носите с собою столько кукол?» — спросила я черноволосого человека, который вместо ответа сначала молча рассадил своих кукол на деревянную жердочку, а потом принялся вертеть ручку шарманки, дергая в то же самое время шнурок, который был привязан к рукам и ногам кукол; куклы начали поворачивать головы, махать руками, подпрыгивать...

«Вот для чего, — снова заговорил незнакомец, — они людей потешают, а люди мне за это деньги дают. Да, твоя кукла как раз подходит под рост моему китайцу, который не имеет пары и потому должен лежать в бездействии, — продолжал он после минутного молчания. — Дай-ка мне ее сюда».

Полагая, что шарманщик хочет ближе взглянуть на куклу и потом, конечно, вернуть обратно, я поспешила вынуть ее из колясочки, чтобы передать ему.

Но каков был мой ужас, каково отчаяние,

когда я вдруг увидела, что он укладывает мою дорогую Додо в свой ящик.

«Что вы делаете? — вскричала я, не помня себя от волнения. — Отдайте мне Додо назад!

«Как бы не так!» — отозвался незнакомец и, грубо оттолкнув меня прочь, в один миг закинул за плечи шарманку и скрылся из виду.

Я стояла точно громом пораженная, ничего не могла сообразить, мысли путались, голова кружилась, ноги подкашивались...

«Додо, Додо!» — кричала я с отчаянием, ломая руки, но ответа на мой крик, конечно, не последовало.

Печально склонив голову и обливаясь слезами, я бросилась бежать по направлению к дому, где все рассказала родителям.

Мама принялась меня утешать, а отец до того возмутился поступком дерзкого шарманщика, что немедленно отправился заявить полиции.

Начальник полиции был нашим хорошим знакомым; выслушав отца, он, не теряя ни минуты, приступил к розыскам. Вора скоро поймали...

— Вора! — прервала Луиза, схватив за руку

лазаретную даму. — Вы говорите «вора»! Разве можно назвать вором того, кто взял такую ничтожную вещь, как кукла?

— Это все равно: раз человек решился взять малое, то не остановится и перед многим.

Луиза нервно вздрогнула, глаза ее наполнились слезами, на лице выразилось волнение. Лазаретная дама смотрела на нее с удивлением.

— Вором! Вы называете его вором, это ужасно! — вскричала больная.

— Но, дитя мое, я, право, не могу понять, почему это вас так волнует?

— Что же потом с ним случилось? Расскажите, расскажите до конца! — умоляла Луиза, не отвечая на вопрос собеседницы.

— Его посадили в тюрьму.

— В тюрьму! О, Боже, какой срам! Какой ужас! Значит, и меня ожидает то же самое!

— Она бредит, — прошептала тогда Агата, прикоснувшись к разгоряченному лбу Луизы, — надо переменить компресс и сию минуту дать знать доктору.

— Ничего не надо, ни компресса, ни докто-

ра, я здорова совершенно, говорю сознательно... — и не отпуская от себя Агату, Луиза чистосердечно созналась, каким образом сама несколько времени тому назад украла меня у Сонечки.

— Помогите, ради Бога, помогите отослать куклу той девочке, которой она принадлежит, вы ведь знаете ее фамилию, — сказала она в заключение.

— Знаю, она теперь на минеральных водах, неподалеку отсюда, ее зовут Сонечкой.

— Вы можете передать ей куклу?

— С большим удовольствием, когда вам будет угодно.

— О, благодарю, благодарю бесконечно!

И бросившись на шею лазаретной даме, Луиза принялась умолять ее отвезти меня не позже сегодняшнего вечера.

Лазаретная дама, конечно, согласилась.

Тогда Луиза потребовала бумагу и, с трудом подсев к столику, поспешно написала следующее:

«Если бы вы могли понять, дорогая Сонечка, как тяжело мне сознаться перед вами

в моем ужасном поступке! Но молчать дольше я не в силах!

Найдите, что ваша прелестная Милочка украдена мною. Решившись на такой поступок, мне не пришло в голову хорошенько его обдумать и обсудить.

Сегодня же, благодаря одной счастливой случайности, я поняла все!

О, как стыдно мне перед вами, как стыдно перед Богом, как стыдно перед Ангелом Хранителем, который знает все, что мы здесь делаем...

Простите, умоляю, простите и позвольте возвратить вам Милочку, с просьбою забыть о гадкой, противной Луизе».

Когда письмо было готово, Луиза прочла его вслух, затем завернула меня в бумагу, перевязала веревочкой и снова принялась упрашивать лазаретную даму отправиться в путь как можно скорее.

Глава десятая

Опять у Сони

Прочитав привезенное лазаретною дамою письмо, Соня бесконечно обрадовалась.

Обо мне уже и говорить нечего, я так и впилась в нее глазами, и если бы только могла разговаривать, то передала бы ей все мельчайшие подробности моего пребывания в пансионе.

Чем больше я всматривалась в мою дорогую Соню, тем больше и больше замечала, что милостивое личико ее и вообще она вся сама за время нашей разлуки очень изменилась и даже как будто выросла: ее прекрасные белокурые волосы не спадали больше длинными локонами на плечи, а были заплетены в косу, вместо того, чтобы резвиться да бесцельно бегать по комнатам, как прежде, она теперь почти постоянно ходила тихо, плавно, как ходят взрослые, большую половину дня употребляла на полезные занятия, то есть на уроки и на рукоделия, со мною занималась изредка, урывочками, и больше по праздни-

кам.

Но так как я видела и сознавала, что все это не мешало ей любить меня по-прежнему, то мирилась с настоящим своим положением и все-таки не желала в будущем ничего лучшего.

Недели две спустя после моего возвращения мать Сони объявила, что мы на днях уезжаем обратно в Россию.

Я очень радовалась предстоящему путешествию, надеясь, что, очутившись в вагоне, Соня начнет, по примеру прошлого, нянчиться со мною, но, к великому сожалению, этого не случилось.

Уложить меня в чемодан она, впрочем, не позволила, а посадила рядом с собою в купе, где, скромно приютившись на диване, я могла свободно наблюдать за всем тем, что делалось и говорилось около.

Соня пристально смотрела на мать, которая выглядела печальною, и от времени до времени как будто плакала.

— Мамочка, успокойся, — заговорила, наконец, девочка, ласкаясь, к ней, — может быть, все уладится, папа напишет тебе, что

наши дела поправились, и мы опять заживем по-старому...

— Нет, дорогая, едва ли это будет, — отозвалась мама, — предчувствие мне подсказывает, что хорошего ждать нечего...

«Так вот отчего Соня такая печальная, — подумала я, — теперь понятно, ей не до меня, она жалеет свою маму, у них в доме должно быть приключилось что-нибудь неладное. Соня хорошая, добрая девочка, сердиться на нее не следует».

И я стала еще внимательнее вслушиваться в разговор Сони с матерью. Оказалось, что отец Сони давно уже писал, что денежные дела их плохи, и Марья Николаевна — так звали мать Сони — очень огорчалась этим. Соня всеми силами старалась ее успокоить и не хотела ложиться спать до тех пор, пока она не заснула.

На следующее утро мы приехали в Петербург. На вокзале нас встретил экипаж, в котором мы благополучно добрались до нашей квартиры.

Разборка вещей и устройство комнат несколько заняли бедную Марью Николаев-

ну, она как будто успокоилась, но спокойствие ее, однако, продолжалось недолго.

Войдя однажды в столовую, Соня застала ее в горьких слезах, — перед нею лежало распечатанное письмо.

— Мама, голубушка, ты плачешь? Что случилось? — спросила девочка, бросившись на шею матери, и принялась упрашивать сказать все откровенно: — Это письмо от папы? — продолжала девочка. — Я знаю его почерк, скажи, ради Бога, что он пишет?

— Особенного ничего, мой друг, не волнуйся.

— Неправда, мамочка, неправда, если бы он не писал ничего особенного, ты бы не плакала, нет, нет, я знаю... я догадываюсь, вероятно, у нас случилось какое-нибудь несчастье. Может быть, папа заболел... может быть, даже умер!..

С этими словами Соня припала головою к коленям матери и тоже начала тихонько всхлипывать.

— Успокойся, моя голубка, — отозвалась мама, нежно обняв девочку, — папа жив и здоров совершенно.

— Но это письмо ведь от него?

— Да.

— Что же он пишет?

— Он пишет, что с нами действительно случилось большое несчастье...

— Какое?

— Мы потеряли все наше состояние и из богатых людей сделаемся бедняками.

— И только?

— Как «только»! Разве этого мало? Ты подумай, у нас не будет ни хорошей квартиры, ни прислуги, ни экипажей, мы должны переселиться на круглый год, то есть на зиму и лето, в крошечный домик в деревне — единственный, который уцелел от всего нашего громадного состояния; наша жизнь должна измениться совершенно: я не могу больше дарить тебе ни дорогих игрушек, ни нарядных платьев...

— Во всем этом я не вижу никакой беды, — перебила Соня, не выпуская из своих рук руку матери и продолжая смотреть на нее с любовью. — Уверяю тебя, мы можем жить точно так же хорошо и в маленькой квартире, как в большой; вместо того, чтобы ездить в эки-

паже, будем ходить пешком, учителей и гувернанток не нужно, ты сама такая умная и так много знаешь, что вполне можешь заниматься со мною... Вот одно жаль, придется отказать повару, а он готовил такие вкусные пирожные!

Марья Николаевна улыбнулась сквозь слезы и молча продолжала слушать девочку, которая долго еще говорила на эту тему и всеми силами старалась убедить мать, что несчастье их вовсе не так велико, как ей кажется. Сначала Марья Николаевна ее слушала рассеянно, или, вернее выразиться, даже совсем не слушала, но затем, мало-помалу, начала соглашаться и в тот же день поспешила сделать распоряжение относительно продажи лишних вещей, экипажей и даже отказала некоторой прислуге.

— Соня, ведь мы не можем даже держать горничную, ты должна будешь сама одеваться, — снова заговорила бедная женщина и уже готова была вторично расплакаться.

— Так что же такое? Оденусь преспокойно, еще и тебе помогу, — отвечала Соня. — Ты смеешься? — продолжала она после минутно-

го молчания.

— Где тебе помогать, дорогая, не сумеешь.

— Напрасно так думаешь, мама, взгляни на куклу Милочку, у нее нет горничной, а между тем, она всегда одета и причесана не хуже тебя — разве неправда?

Марья Николаевна кивнула головой, Соня улыбнулась и принялась помогать укладывать вещи, которые предполагалось везти с собою.

Я не могла налюбоваться на эту милую девочку... Она приказывала, распоряжалась и работала точно большая, причем не спускала глаз с матери и, как только замечала, что последняя начинает тосковать или плакать, сейчас же ее успокаивала.

В назначенный день отъезда некоторые из подруг пришли проводить Соню. Прощаясь с нею, они заикнулись было, что ей, вероятно, предстоит очень скучная жизнь в деревне, без общества, без развлечений, но Соня не дала им даже окончить фразы, поспешно взяла меня на руки, села в экипаж рядом с матерью и приказала кучеру как можно скорее ехать на вокзал железной дороги.

Глава одиннадцатая

Как я удила рыбу

Переезд наш из города в деревню совершился очень быстро; в дороге не случилось ничего особенно интересного, а потому я не стану описывать ее и начну прямо с того момента, как, выйдя из вагона на одной из станций, мы сели в простой деревенский экипаж, который мне показался до того смешным и странным, что я чуть не расхохоталась, — называют его тарантасом¹⁸. И название-то какое смешное, не правда ли?

Марья Николаевна влезла первая.

— Какие жесткие подушки и как неловко сидеть, — заметила она, стараясь поудобнее расположиться.

— Ничего, мамочка, это только для первого раза так кажется, потом обойдется, — ободряла ее Соня и, посадив меня между собою и матерью, сказала кучеру, что можно ехать.

Кучер передернул вожжами, махнул кнутом, и пара маленьких крестьянских лошадей, впряженных в тарантас, быстро потяну-

ла нас вперед. Тарантас подкидывало то вправо, то влево. Марье Николаевне это, кажется, не совсем нравилось, а Соню, напротив, очень забавляло.

— Неправда ли, Милочка, как весело, когда трясет; так и кажется, что вылетишь? — обратилась она ко мне и потом начала указывать пальчиком на поля, деревья и луга, мимо которых мы проезжали.

Но вот, наконец, тарантас свернул с большой дороги вправо, спустился с горки, обогнул опушку леса и, въехав в ворота, остановился около подъезда небольшого деревянного домика, один бок которого от времени совершенно покривился и как будто врос в землю.

— Здесь мы должны жить, Соня, — печально проговорила Марья Николаевна.

Соня вместо ответа взглянула на нее умоляющими глазами, как бы прося не расстраивать себя мрачными думами.

— Мне так этот домик очень нравится, — заговорила девочка после минутного молчания, — Я, пожалуй, даже не захочу отсюда уехать, когда папа нам напишет, чтоб мы вер-

нулись в город.

«Да, а все-таки пока он этого не напишет, вам будет трудно...» — невольно подумала я, сидя на подоконнике, куда меня пристроила Соня, сейчас же принявшаяся за устройство нового жилища и старавшаяся сделать все как можно скорее. Я не отрывала от нее глаз... Я любовалась ею.

«Что за чудная девочка, что за замечательное у нее сердце! Как заботится она о своей матери!.. Дай Бог, чтоб на белом свете было побольше таких девочек!» — рассуждала я мысленно, пока моя маленькая госпожа бежала и суежилась.

Марья Николаевна тем временем позвала старика-садовника Антона, который теперь был ее единственным слугою, и спросила его, не знает ли он какую-нибудь девушку, которая бы за небольшое вознаграждение согласилась убирать наши комнаты и варить кушанье.

— Я пришлю мою крестницу, Агашу, — отвечал Антон, почтительно поклонившись, — она будет делать все, что вам угодно, и даже в крайнем случае может постирать.

— Отлично, — согласилась Марья Николаевна и просила его сказать Агаше, чтобы та поспешила приходом.

Антон удалился, обещая исполнить приказание Марьи Николаевны сейчас же.

И — действительно, не прошло даже и получаса, как наружная дверь нашего дома снова отворилась, и на пороге показалась красивая деревенская девушка, с загорелым лицом и прекрасными голубыми глазами.

Кроме меня в комнате никого не было. Она остановилась в нерешимости, не зная, что делать, то есть идти ли дальше, или воротиться.

Мне так хотелось соскочить с подоконника, подбежать к ней, взять за руку, проводить к Соне, но ведь я кукла, а не живой человек... Ах, как тяжело быть куклою, если бы вы знали!..

«Хоть бы посмотрела в мою сторону», — подумала я, чувствуя к этой девушке какую-то особенную симпатию.

И что же? — девушка вдруг обернулась.

— Какая прекрасная кукла, — проговорила она, подойдя ближе к подоконнику, чтобы разглядеть меня.

Прошло около десяти минут. Агаша — так как это была действительно она — продолжала смотреть и ощупывать меня со всех сторон до тех пор, пока в комнату, наконец, вошла Соня.

Тогда она поспешно посадила меня на прежнее место и, словно испугавшись того, что решилась без позволения взять в руки чужую собственность, первым делом начала извиняться.

— Я всегда бываю рада, если кто любит мою Милочку, — ободрила ее Соня, — пожалуйста, не извиняйся. Тебя, наверное, зовут Агашей?

— Да.

— Ты прислана сюда садовником Антоном?

— С тем, чтобы вам прислуживать.

— Очень рада. Пойдем, я тебе покажу, как надо прибрать наши вещи.

С этими словами Соня снова скрылась за дверь, за нею последовала Агаша, а я опять осталась одна на подоконнике.

Одиночество мое продолжалось недолго: несколько минут спустя в комнату вошел Ан-

тон, он держал в руках удочку и, как бы желая дать знать о своем присутствии, принялся кашлять.

— Кто там? — окликнула его вбежавшая в комнату Соня. — Ах, это вы, Антон! Мама вам очень благодарна за Агашу, она посылала меня к вам нарочно, чтобы передать свою благодарность и просить взять за труды немного денег.

— Не надо мне, барышня, денег, я рад услужить вам.

— Нет, Антон, нельзя, возьмите.

Антон начал отнекиваться, но чем больше он отнекивался, тем Соня больше настаивала.

— Я найду средство заставить вас повиноваться! — воскликнула она шутя и, подбежав ко мне, сунула серебряную монету в мой кулачок, затем взяла меня на руки, поднесла к Антону и заставила передать ему деньги.

Антон улыбнулся.

— Да уж не взять от такой хорошей барышни невозможно, — отозвался он, нехотя протягивая руку, и по примеру Агаши принялся разглядывать меня с большим любопытством.

— Что это у тебя за палка, Антон? — спросила его Соня.

— Это, барышня, не палка.

— А что же?

— Удочка.

— Зачем она тебе?

— Чтобы ловить рыбу.

— Я никогда не видала, как ловят рыбу, должно быть интересно?

— Неужели не видали?

— Не приходилось, ведь мы всегда жили в городе.

— Если мамаша дозволит, то пойдете к речке, я вам покажу.

Соня сейчас же побежала к матери просить разрешения, получив которое, немедленно последовала за стариком, захватив и меня с собою. Река протекала за забором нашего садика, идти пришлось недалеко. Присев на берег, Антон откопал в земле червячка, пристроил его на крючок, прикрепил к веревке удочку и закинул последнюю как можно дальше.

— Теперь надо сидеть смирно, ждать пока рыба клюнет, — сказал он, когда пригото-

ния оказались оконченными.

Соня прижала меня к себе и, пристально устремив глазки на удочку, боялась даже пошевелинуться.

Но вот нижний конец веревки, опущенный в воду, вдруг как-то передернулся. Антон приложил палец к губам и плутовски подмигнул левым глазом. Соня догадалась, что дело идет на лад и что надо сидеть еще смирнее, еще покойнее.

— Готово! Ключуло! — громко вскричал старик и, высоко подняв над головою удочку, вытащил из воды небольшого окунька, серебристая чешуя которого так и заблестела на солнышке.

Соня пришла в восторг, пожелала непременно сама, собственными руками, тоже закинуть удочку и начала просить Антона прицепить на крючок нового червячка. Антон исполнил ее желание и молча передал ей удочку, которую она в свою очередь передала мне, очень ловко вложив ее в мою маленькую ручку.

— Вот выйдет забавно, если Милочка поймает рыбку, — сказала она, подвигая меня

ближе к воде и стараясь посадить поудобнее.

Антон улыбнулся.

— Смирно сидите, ваше сиятельство, не смотрите по сторонам, относитесь к делу внимательно, — наставляла меня Сонечка.

Я сидела неподвижно. Соня и старик Антон то же самое. Прошло около получаса.

— Что же рыба больше не клюет? — прошептала Сонечка, взглянув вопросительно на Антона, который только что открыл рот, чтобы ответить, как вдруг маленький окуnek, точь-в-точь такой, как тот, которого он только что поймал, осторожно подплыл к опущенной в воду удочке и дернул крючок с такою силою, что удочка нагнулась вперед, увлекая меня за собою. По счастью, Соня успела вовремя схватиться за мое платье, благодаря чему в воду погрузилась только верхняя часть моей головы да длинная розовая лента, одетая вместо кушака¹⁹.

— Ай! ай! — закричала девочка. — Противный окунь чуть не утопил Милочку.

— Вот так штука! Не рыбак поймал рыбу, а рыба рыбака! Такие случаи бывают редко! — отозвался старик, громко расхохотав-

шись.

Смех старика мне не нравился, мое самолюбие было оскорблено. Если бы я умела говорить, то, конечно, нашла бы что ответить, но приходилось молчать и мириться с тем, что с этого достопамятного дня на рыбную ловлю меня больше никогда не брали.

В остальных прогулках — по лесу, по полям и лугам — я по-прежнему сопровождала Соню. Мы вместе рвали цветы, ягоды, грибы, вместе гуляли! Во время прогулок Соня рассказывала мне много интересных вещей, уча всему тому, чему сама училась от матери. Особенно любила я слушать ее рассказы про Всемогущего Бога, про Ангела Хранителя и про то, что для того чтобы мы были всегда счастливы и любимы этим Всемогущим Богом и Ангелом Хранителем, надо стараться быть доброю, послушною и никогда не делать ничего дурного.

С разрешения Марьи Николаевны к Соне иногда приходила играть маленькая сестренка Агаши — Тоня, для которой это доставляло громадное удовольствие и которая при каж-

дом своем посещении все больше и больше ко мне привязывалась.

— Если бы мне раньше кто сказал, что есть такие хорошие куклы, как Милочка, я бы и не поверила, — повторяла она почти каждый раз, когда являлась в комнаты.

— Разве у тебя и у твоих подруг совсем нет кукол? — спросила ее Соня.

— Есть, но они не могут сравниться с вашей, они сшиты просто из тряпок, у них нет ни платьев, ни шляп, ни пальто, ни зонтика... Когда я возвращаюсь от вас в деревню, подружки обступают меня, подробно расспрашивают про графиню Милочку и говорят, что очень бы хотели хотя б одним глазком взглянуть на нее ближе.

— Что же ты на это отвечаешь?

— Ничего... ведь я не могу их привести сюда без вашего позволения.

— А если бы ты получила это позволение?..

— Тогда, конечно, была бы очень рада за них.

Соня задумалась; несколько минут она стояла молча, затем, словно что-то сообразив и на что-то решившись, поспешно направи-

лась к двери.

— Я сейчас приду, — сказала она, остановившись на пороге, и скрылась в соседней комнате, откуда через несколько минут вернулась снова, объявив Тоне, что ходила спрашивать разрешение матери и что она согласна...

— На что?

— На то, чтобы ты завтра же позвала сюда всех твоих подруг, я с удовольствием покажу им Милочку.

Тоня бросилась целовать руки миленькой барышни и несмотря на увещевания последней остаться еще хоть на часик поиграть с нею, со всех ног пустилась бежать в деревню скорее сообщить подругам про то, какая великая радость ожидает их завтра.

— Видишь, Милочка, как все тобою интересуются, — сказала мне Соня, когда торопливые шаги Тони затихли вдали, — это все потому, что ты добрая, хорошая и никогда никому не делаешь зла.

Я с улыбкою смотрела на свою маленькую госпожу, которая сию же минуту принялась вынимать из чемодана мое самое нарядное

платье, обещая надеть мне его завтра.

С каким волнением ожидала я завтрашнего дня, как мне хотелось, чтобы он наступил скорее, как я боялась, чтобы не пошел дождик и не помешал девочкам собраться к нам в садик. Но, по счастью, ничего такого не случилось: к назначенному времени, ровно в 12 часов на следующее утро, целая толпа крестьянских девочек, разодетая по-праздничному, в пестрые сарафаны, явилась на площадку сада. Впереди всех шла Тоня. Завидев показавшуюся ей на встречу Сонечку, она ускорила шаг, поздоровалась и стала представлять по-друг, называя каждую по имени.

— А где же графиня? — прошептала она, нагнувшись к уху Сони.

— Мама хочет, чтобы девочки, прежде чем заниматься ею, позавтракали, — отвечала Соня, указывая на раздвинутый в стороне длинный деревянный стол, заставленный сладкими пирогами и кофейниками.

Бедным крестьянским девочкам пить кофе и кушать сладкий пирог приходится редко, а потому они накинулись на то и на другое с большим аппетитом. Потчевать, угощать

или уговаривать не приходилось — поставленное угощение исчезло весьма быстро, а затем, когда на столе ничего не осталось, кроме посуды, начались разные игры.

— Скоро ли нам покажут куклу? — заговорила, наконец, одна из девочек.

— А вы о ней не забыли? — спросила Соня с самодовольною улыбкой.

— Как, барышня, забыть, разве можно! Мы ведь и пришли сюда нарочно, чтобы посмотреть ее?

Я в это время сидела в комнате около открытого окна, на кожаном кресле, но так как кресло было низкое, то видеть меня девочки не могли, я тоже, конечно, их не видела, но слышала весь разговор превосходно.

«Стало быть, Соня скоро придет за мною», — подумала я и, действительно, минут через пять Соня показалась в комнате.

Взяв меня на руки и тщательно расправив все складочки и бантики моего платья, она торжественно вынесла меня в сад, где толпа девочек в один миг обступила нас со всех сторон.

В первую минуту девочки, должно быть,

были до того поражены моей красотой и моим прекрасным костюмом, что стояли точно вкопанные, не говоря ни слова, затем мало-помалу успокоились, начали приходить в себя и почти все в один голос принялись меня расхваливать.

— Что за красавица, что за прелесть! Вот так кукла, нечего сказать! — слышалось отовсюду.

— Волосы-то какие, посмотрите, точно настоящие! — громко заметила одна, стараясь перекрычать остальных.

— Нет, вы на руки обратите внимание, пальцы почти как у живого человека: можно согнуть и разогнуть по суставам! — кричала другая еще громче.

— А ноги, а глаза, а платье! — раздавалось со всех сторон. — Просто загляденье! Барышня, дозволейте подойти ближе.

Соня в знак согласия утвердительно кивнула головой. Девочки подошли ближе и начали до того теревить меня, передавая из рук в руки, что даже замучили.

Глава двенадцатая

Бедная старушка

Как я уже сказала выше, моя дорогая Сонечка с первой минуты переезда своего в деревню не переставала думать и заботиться о том, чтобы доставлять своей матери полное спокойствие. Вместо того, чтобы вставать в девять часов, как бывало в городе, она вскакивала в шесть и первым делом отправлялась в кухню приказать Агаше приготовить для Марьи Николаевны кофе и завтрак. Затем начиналась уборка комнат. Не желая отрывать Агашу от плиты, Сонечка большею частью делала это сама, рассчитывая время таким образом, чтобы к часу вставанья матери все было готово.

Марья Николаевна не могла нахвалиться своей дочуркой, да и действительно — другую такую девочку трудно найти на свете. Бедняжка с утра до ночи находилась в работе, ей даже иногда не оставалось времени играть со мною, вследствие чего я почти всегда оставалась одна. Другая кукла, может быть, на мо-

ем бы месте обиделась, рассердилась, но я не сделала ни того, ни другого, потому что понимала вещи как следует.

Дни наши проходили спокойно. Я начинала свыкаться с моим одиночеством, хотя все-таки не скрою, что порой чувствовала ужасную скуку.

В одну из таких минут, когда мне было как-то особенно тоскливо, Соня, проходя мимо того места, где я сидела, случайно повернула голову.

— Бедная Милочка, — сказала она ласково, — сидишь одна, все это время мне некогда было с тобою поиграть и поговорить, как прежде, но сегодня я, по счастью, справилась раньше, пойдем немного прогуляться по саду.

С этими словами она взяла меня на руки и спустилась в сад, нижняя половина которого выходила в поле, где росла рожь, которую крестьяне теперь убирали.

— Ты, наверное, никогда не видала ржаного поля, — продолжала девочка и начала подробно рассказывать, каким образом крестьяне обрабатывают пашню.

Я слушала ее с большим вниманием

и не могла надивиться тому, что из крошечного зернышка, брошенного в землю, через несколько времени вдруг вырастает целый колос, наполненный десятками, а иногда и больше, таких же зернышек, из которых люди сначала мелят муку, а потом пекут хлебы.

Все это Сонечка узнала от своей мамы и, по обыкновению, спешила сообщить мне; она любила говорить о серьезных вещах и, каждый раз заведя такой разговор, старалась протянуть его как можно дольше, но теперь, однако, замолчать пришлось очень скоро, так как мы заметили идущую навстречу старушку, которая, опираясь на палку, с трудом передвигала ноги, громко охала и, по-видимому, хотела что-то сказать нам.

— Здравствуйте, милая барышня, с кем это вы разговариваете? — спросила она, поклонившись.

— С Милочкой, — отозвалась Соня, отвечая на поклон старушки.

Старушка облокотилась на свой костыль и стала оглядываться по сторонам, как бы отыскивая кого глазами.

— С Милочкой? — переспросила она.

— Да.

— Где же она? Я здесь, кроме вас, никого не вижу.

— Это моя кукла.

— Кукла! Разве можно разговаривать с куклой? Ведь она ничего не понимает.

О, как досадно стало мне на противную старуху, которая была такого дурного мнения о куклах; я охотно оттаскала бы ее за седые волосы так, чтобы она меня долго помнила, если бы только была не кукла, а настоящий человек.

— Моя Милочка понимает все, — заступилась за меня Соня: — я всегда с нею разговариваю.

Старуха махнула рукой, закашлялась, и, схватившись за грудь, снова принялась охать.

— Что, бабушка, видно, грудь болит? — с участием спросила Соня.

— Еще как болит-то, барышня, если бы вы знали, просто тошнешенько.

— Надо лечиться.

— И то лечусь, да лекарство плохо помогает; доктор велит лежать, а разве это возмож-

но, когда надо самой все делать и обо всем заботиться... Вот хоть бы теперь: спина болит, в грудь колет, кашель не дает передохнуть, а тут изволь шататься по полям да подбирать колосья.

— Зачем? — с удивлением спросила Соня.

— Как зачем, ведь кушать-то хочется; ну, вот в добавку к тому хлебу, который добрые соседи иногда мне дают Христа ради, я подбираю оставшиеся на полях колосья, вылущу, да и отнесу на мельницу; мельник по знакомству смелет их даром, смотришь, мука образуется; в праздник можно и пирожки испечь... Вот зачем, милая барышня, — добавила она в заключение и опять начала охать.

— Бедная бабушка, это, должно быть, очень утомляет тебя?

На глазах старушки навернулись слезы. Мне стало до того жаль ее, что я даже начала досадовать на себя за то, что за минуту перед тем хотела оттаскать ее за волосы.

— Разве тебе некого послать вместо себя? — продолжала Соня.

Старушка отрицательно покачала головой.

— С завтрашнего дня позволь мне соби-

рать для тебя колосья, — снова заговорила девочка, — скажи только, где ты живешь, и я буду каждое утро аккуратно приносить их.

— Благодарю вас, милая барышня, но мне совестно... я слышала от Агаши, что вы и без того работаете с утра до ночи, а тут еще новый труд; да у вас не хватит времени.

— Мне ничего не стоит встать раньше.

Старуха долго отговаривалась, но Соня, в конце концов, все-таки заставила ее согласиться и, не откладывая дела в долгий ящик, на следующее же утро поднялась с кровати чуть не с первыми лучами восходящего солнца, чтобы, никому не говоря ни слова, идти в поле.

Меня она, конечно, взяла с собою; я была очень рада ранней прогулке и спокойно сидела на траве, пока Сонечка собирала колосья, которые затем немедленно отнесла бабушке, откуда сейчас же отправилась домой — приниматься за новую работу.

— Милочка, не проговорись моей маме о том, где мы сегодня с тобою были, и куда будем ходить каждый день. Если мама об этом узнает, то, пожалуй, из страха, чтобы я себя

не утомила, запретит помогать бедной старушке, а эта старушка такая несчастная, мне ее очень жалко.

Я взглянула на Сонечку, стараясь дать ей понять выражением своих глаз, что проговориться не могу ни в коем случае.

Сонечка успокоилась и, начиная с этого утра, аккуратно отправлялась за колосьями.

В одну из подобных прогулок она как-то замешкалась и, не заметив, что небо вдруг начинает покрываться тучами, продолжала спокойно собирать колос за колосом до тех пор, пока не раздались сильные раскаты грома, и дождь в одну минуту полил точно из ведра.

«Милочка, Милочка, что мы будем делать!» — вскричала она с отчаянием и, схватив меня на руки, пустилась бежать вперед, но по ошибке повернула не в ту сторону.

Вместо того чтобы идти к дому, мы от него удалялись и через несколько минут, совершенно незаметно для самих себя, очутились в глубине леса. Ветер с силою раскачивал деревья в разные стороны, листья шумели, точно водопад какой, и положительно наводили ужас.

Бедная Сонечка была страшно взволнована; она бежала вперед и вперед без оглядки, бежала до тех пор, пока притомившиеся ножки ее, в конце концов, отказались служить. Бедняжка молча опустилась на промокшую насквозь траву и, закрыв лицо рукою, горько заплакала. Меня она посадила возле себя, но так как ей было очень страшно, то конечно оставила без всякого внимания. Таким образом прошло около часа, страшно томительного, необыкновенно длинного часа, я и теперь не могу вспомнить о нем равнодушно!

Но вот, наконец, где-то вдали послышался шорох, раздались человеческие голоса и сухие сучья, валявшиеся в лесу, затрещали под чьими-то ногами.

— Господи, это верно идет тот великан-людоед, тот самый, о котором говорится в сказке! — громко вскричала Соня и, схватив меня на руки, уже поднялась с места, чтобы бежать дальше.

— Барышня, — раздался позади нас голос Агаши, — наконец-то мы напали на ваш след! Но, Боже мой, какими судьбами могли вы очутиться так далеко в лесу и зачем ушли

из дому? Барыня с ума сходит, плачет, мечется по комнатам, всю деревню разослала на поиски... Разве можно так делать? Как вам не стыдно, как не грешно!..

Сонечка на все эти замечания ничего не ответила, ей тяжело было слышать незаслуженный упрек, и в то же время она ясно понимала, что Агаша, не зная суть дела и причину ее ухода из дома, совершенно права.

Мы подвигались вперед скорым шагом. Агаша, хорошо зная местность, шла с полной уверенностью, благодаря чему менее чем через час времени вывела нас на проезжую дорогу, которая тянулась вплоть до нашего дома.

— Мамочка, милая, дорогая, прости меня!.. Я причинила тебе сегодня большое огорчение! — вскричала Соня, заметив идущую навстречу Марью Николаевну.

Марья Николаевна крепко прижала к груди свою девочку и проговорила несколько дрожащим голосом:

— Я знаю все... бабушка Агаши подробно объяснила мне причину твоего раннего ухода

из дому...

— Значит, ты на меня не сердишься?

— Дорогая, хорошая моя, разве можно сердиться на человека, который делает доброе дело; напротив, я благодарю Бога за то, что Он послал мне такую дочь... Я горжусь ею и с каждым днем буду любить ее сильнее и сильнее.

Глава тринадцатая

Как меня испугала мышка

Жизнь наша снова потекла по-старому. Теперь Сонечке нечего было скрывать от матери, что она каждый день встает на два часа раньше и отправляется в поле собирать колосья, а потому мы из этого секрета не дели.

Вернувшись с утренней прогулки, Соня обыкновенно сажала меня куда-нибудь в угол дивана или на кресло и в продолжение целого дня уже больше не занималась мною, так как ей едва-едва хватало времени на различные распоряжения по хозяйству.

— Сонечка, ты убрала бы куда-нибудь свою Милочку, — сказала ей мама, — ведь тебе положительно некогда играть с нею, а она только пылится, валяясь на диване да на стульях.

— Пожалуй, — согласилась Соня и в тот же день спрятала меня в длинную картонку, где раньше хранились сухари, из которых один случайно остался там и незаметно попал мне под голову.

«Пускай лежит, — подумала я, — будет вместо подушки». Подушка оказалась далеко не мягкой, но так как взять ее прочь было невозможно, то я покорилась и, закрыв глаза, лежала спокойно до тех пор, пока однажды ночью, когда в доме все уже спали, вдруг почувствовала, что на крышку моей картонки прыгнул мышонок и начал усердно грызть ее своими острыми зубками.

«Вот так раз! — подумала я. — Если мышонок проберется в картонку и начнет меня грызть, точно так же, как грызет картонку, то шутки плохие; тем более, что я мышей боюсь очень, хотя бы кто пришел согнать его!»

В доме, однако, все по-прежнему продолжали спать крепким сном, а мышонок через несколько времени прогрыз таки картонку и, недолго думая, прошмыгнул мимо меня, чтобы приняться за сухарь.

— Сюда, сюда, куманек, — проговорил он пискливым голосом, — тут превосходное помещение, да кроме того еще есть пожива!

— А где вход-то? — отозвался в ответ точно такой же пискливый голос.

Я догадалась, что этот голос принадлежит

другому мышонку, который действительно прыгнул в картонку почти сейчас же.

Подсев к сухарю, оба приятеля принялись хрустеть с наслаждением; в промежутках, они рассказывали друг другу про то, что каждый из них сегодня видел в кладовой, в буфете и в подвале.

Я перестала бояться, догадавшись, что они меня не тронут, и с удовольствием слушала их болтовню, благодаря которой узнала подробно, где лежит сахар, крупа и прочая провизия. Сначала эта болтовня меня занимала, но потом стала надоедать. Мне хотелось спать, я от души желала, чтобы Сонечкин кот Мурлышка забрел в нашу комнату и хорошенько расправился с противными мышатами.

Желание мое очень скоро исполнилось. Представьте себе, что не прошло даже получаса, как я услышала знакомые шаги мягких лапок Мурлышки, который, подойдя к картонке и почуяв в ней добычу, принялся жалобно мяукать, а потом, недолго думая, толкнул мордочкой картонку с такою силою, что она кувырнулась на пол.

— Что за шум? — вскричала Соня, внезапно проснувшись.

— Мурлышка опрокинул картонку, где лежит Милочка, должно быть туда забралась мышь; я еще не спала и давно наблюдаю, как он подкрадывается, — отозвалась Марья Николаевна, зажигая свечу.

— Противный Мурлышка, я тебе задам, если ты испортил мою куклу! — вскричала Соня и, подбежав к картонке, осторожно приподняла крышку; мышонок и товарищ его поспешно выпрыгнули на пол, но не успели даже добежать до стола, как оба очутились во рту у Мурлышки.

Соня, между тем, принялась меня внимательно разглядывать.

— По счастью, Милочка цела, — сказала она, окончив осмотр и переставив картонку на комод.

Остальная часть ночи прошла благополучно, никто больше меня не беспокоил, а с наступлением утра Сонечка, по обыкновению, принялась за разные хлопоты по дому; она торопилась подать завтрак ровно к 12-ти часам, так как собиралась идти за грибами, обе-

щая и меня захватить с собою. Я заранее радовалась предстоящей прогулке, которая всегда доставляла мне большое удовольствие. Без четверти двенадцать Агаша подала завтрак.

Не успели мы сесть за стол, как вдруг вдали послышался звон колокольчика, и на дороге показалось черное пятно.

Чем ближе оно подвигалось к нашему дому, тем явственнее можно было различить в нем почтовый тарантас, в котором сидела дама и маленькая девочка.

— Боже мой! Ведь это тетя Мари с Ниночкой! — радостно воскликнула Соня и, выскокив из-за стола, бросилась навстречу дорогим гостям, которые в этот момент как раз подъехали к подъезду.

Марья Николаевна последовала за нею.

Тетя Мари во время завтрака в коротких словах пояснила, что, отправляясь вместе со своею маленькою дочерью в Малороссию 20, в имение брата, проездом пожелали навестить нас.

— Как, тетя, вы только проездом завернули к нам, а я надеялась, что ты останешься здесь целое лето, — отозвалась Соня.

— Нельзя, дружок, мой муж давно уже ожидает нас; он очень соскучился своим одиночеством и, в особенности, тоскует о Ниночке.

— А я не хочу ехать в Малороссию, мне здесь нравится больше, — возразила Ниночка и надула хорошенькие губки, сердито взглянув на окружающих.

Тетя Мари стала ее уговаривать, но чем больше она ее уговаривала, тем выходило хуже: Нина сердилась, топала ножкой, как делают всегда нехорошие, капризные дети, и в конце концов расплакалась.

— Соня, постарайся ее утешить, — обратилась Марья Николаевна к дочери, — ты умеешь обращаться с детьми.

Соня взглянула на свою маленькую кузину такими ласковыми глазами и так мило улыбнулась, что та поневоле перестала плакать.

— Пойдем в нашу комнату, я тебе покажу что-то очень интересное.

— Что? — переспросила девочка, протирая кулачком еще полные слез глаза.

— Пойдем — увидишь.

— Принеси сюда.

— Невозможно, пойдём, пойдём, будь умницей и послушной; то, что я хочу показать тебе, могут видеть только умные, послушные девочки.

Нина нехотя встала со стула и последовала за Соней, которая, войдя в спальню и сняв с комода картонку, молча вынула оттуда меня. Ниночка остановилась как вкопанная, всплеснула ручками и несколько раз повторила скороговоркой: «какая чудная кукла!»

— У тебя никогда не было такой? — спросила Соня.

Ниночка отрицательно покачала головой и, продолжая по-прежнему смотреть на меня пристально, спросила, умею ли я говорить.

Соня улыбнулась и после минутного раздумья сказала: «умеет».

— Как тебя зовут? — обратилась тогда девочка уже прямо ко мне.

— Милочкой, — ответила Соня.

— Славное имя, мне оно очень нравится. Ну, а скажи: ты очень любишь Соню?

— Очень. Соня меня бережет и ласкает, но мне кажется, что вас я полюбила бы ещё больше, если бы вы были умницей и всегда

слушали маму.

Последние слова, сказанные Соней, мне были крепко не по сердцу, я старалась сделать над собою усилие, чтобы заговорить человеческим голосом и громко прокричать: «Неправда, я вас совсем еще не знаю и не могу любить больше Сони, не могу ни под каким предлогом». Но сколько я ни старалась открыть ротик, сколько ни пыталась обличить Соню во лжи, толку не вышло никакого. Ничка вцепилась в меня обеими ручками, потащила в комнату, где сидела ее мать, и заявила, что с этой минуты Милочка принадлежит уже не Соне, а ей.

— Разве Соня тебе ее подарила?

— Нет, Милочка сама сказала, что готова полюбить меня больше, чем Соню, если я буду послушна, а с сегодняшнего дня это будет непременно.

Как я, так равно и остальные, не обратили внимания на слова девочки, принимая их за простую детскую болтовню, но девочка думала иначе, и когда, несколько дней спустя после этого разговора, мать ее начала собираться в дорогу, объявила с громким плачем, что без меня не уедет: она плакала до тех пор,

пока Соня, наконец, сжалилась над нею и, чтобы хотя чем-нибудь успокоить, согласилась отпустить меня в Малороссию, с тем, однако, условием, что Ниночка на обратном пути, завезет меня сюда снова.

Глава четырнадцатая

На волосок от смерти

Хотя, по общему соглашению девочек, я уехала только на время, тем не менее мне было очень грустно. Ниночка это видела и всеми силами старалась развлечь меня, обещая по приезде в Малороссию доставить много удовольствий.

Переезд наш совершился довольно скоро.

Имение дяди Степы, то есть брата матери Ниночки, было большое и прелестно обстроенное, а семья его состояла из жены, старушки-бабушки и двух дочерей, старшей — Маруси, которой недавно минуло 14 лет, и младшей — Лиды. Сам дядя Степа приезжал в деревню на короткое время, так как служба его постоянно задерживала в городе.

Маруся была очень милая, ласковая, добрая, но зато маленькая Лида оказалась такою сердитою, такою шалуньей и такой капризной, что ни я, ни моя Ниночка не видывали ничего подобного: она только и старалась или сделать, или оказать каждому неприят-

ное, ссорилась со всеми, обижала всех, начиная с людей и кончая животными. Никто, никто в доме не любил ее — а Ниночка так даже побаивалась; в особенности побаивалась она ее за меня. Я это отлично понимала, потому что со дня нашего приезда в Никольское — так называлась усадьба дяди Степы — не спускала меня с рук ни на минуту, а если куда приходилось уходить, то прятала в платяной шкаф и ключ уносила с собою.

Один раз, впрочем, на беду, случилось, что она по рассеянности оставила ключ в замочной скважине, и только что успела выйти за дверь, как в комнату незаметно проскользнула Лида.

— Наконец-то я добралась до тебя, противная кукла, — обратилась она ко мне со злобною улыбкой, — тебя все от меня прячут, я это понимаю. Ниночка боится, что я тебя испорчу... так вот же тебе!.. вот!..

И она принялась колотить меня по спине с такою силою, что чуть не переломила ее; затем, увидев лежавшие на столе ножницы, схватила их, в один миг искромсала вдоль и поперек мое платье.

— Лида! Что ты делаешь! — раздался вдруг позади нее голос неожиданно появившейся на пороге Ниночки. — Ты испортила самое лучшее платье Милочки, я ведь за это должна ответить перед Соней. Боже мой, Боже мой, что я буду делать, — и бедная девочка залилась слезами.

— Что случилось? — спросила вышедшая в эту минуту гувернантка.

Ниночка молчала, она не смела сказать правду.

— Я догадываюсь, — продолжала гувернантка. — Лида испортила платье вашей куклы?

— Не только испортила платье, но еще приколотила ее по спине — вот так, вот так! — вскричала сама Лида и снова принялась бить меня по спине, по рукам, по голове...

— Лида, опомнитесь, что с вами, за что вы бьете куклу? — отозвалась гувернантка, стараясь вырвать меня из рук этой злой девочки.

— Я бью ее за то, что мне никогда не позволяют играть с нею, я на нее зла... я ненавижу ее...

— Ваше поведение невозможно. Пойдемте, — строго заметила гувернантка и, возвратив меня Ниночке, увела Лиду почти силою.

Лида начала кричать на весь дом, стараясь высвободиться из рук гувернантки, но ее все-таки увели в детскую и в продолжение целой недели за обедом не давали пирожного.

Маруся, между тем, взяла на себя труд исправить мой туалет и сделала это так быстро, что к вечеру я уже оказалась в совершенно приличном виде.

Следующий день был как раз днем рождения Ниночки.

По этому случаю дети устроили целый праздник, упросив маму разрешить им завтракать и пить шоколад в саду; они пригласили еще двух девочек — дочерей соседнего помещика²¹, и как только девочки пришли, сейчас же показали им меня, затем объяснили причину праздника, причем не могли также утерпеть, чтобы не рассказать случившуюся накануне злую выходку Лиды.

— Какая нехорошая девочка, мы не хотим играть с нею, — заметили маленькие гости и, несмотря на просьбу самой Нины простить

Лиду, в продолжение всего времени продолжали сторониться ее.

Лида смотрела на всех злыми глазами, которые наводили на меня невольный страх, я мысленно молила Бога, чтобы Ниночка не оставляла меня одну. Ниночка, должно быть, угадала мою мысль, потому что не спускала меня с рук вплоть до самого вечера.

— Ты даже ляжешь спать вместе со мною, в мою кроватку, — шепнула она, когда гости разъехались и девочкам было приказано идти в спальню, где вместе с Ниной помещалась Лида и Маруся.

Юркнув под одеяльце, обе девочки, как мне показалось, заснули очень скоро, заснула и моя Ниночка. Я одна только лежала с открытыми глазами и, как бы предчувствуя что-то неладное, старалась прислушаться к малейшему шуму.

В комнате было светло, во-первых, от лампы, а во-вторых, от луны, которая ярко блестела на небе, освещая собою все окружающее пространство, и пробивалась сквозь опущенные кисейные занавеси нашего окна, выходящего прямо в поле.

Но вот кровать, на которой спала Лида, скрипнула, я наострила уши и увидела, что Лида приподнимает голову с подушки, осторожно спускает на пол свои маленькие ножки и тихонько подкрадывается к нам, точно кошка на добычу; глаза ее сверкали злобой, руки дрожали, выражение всего лица казалось ужасным!

— Ниночка! Ниночка! — старалась я крикнуть, надеясь разбудить мою маленькую госпожу, но... Ниночка спала крепким сном, а Лида подвигалась все ближе.

— Ага, попалась, — прошипела она, осторожно сняв меня с кровати, — ты думаешь, я прощу, что ради тебя столько времени оставалась без пирожного и что сегодня никто не хотел играть со мною, — нет, голубушка, ошибаешься, такие вещи простить нельзя.

С этими словами она вышла из детской, пробралась в коридор, накинула на плечи первую попавшую под руки и висевшую на гвозде кофточку, сунула ножки в чьи-то калоши и снова зашагала вперед, зашагала до тех пор, пока в конце концов не очутилась сначала на балконе, а затем в саду.

«Куда она несет меня? — думала я, теряясь в догадках, — что хочет делать со мной эта противная злая девочка?»

Сомнения мои разрешились скоро: заворачивая с дорожки на дорожку, Лида остановилась около колодца, откуда нам всегда приносили воду и, недолго думая, со всей силы бросила меня туда.

Никакое перо не в состоянии передать того ужаса, который охватил меня, пока я летела вниз... мысли мои путались, я чувствовала, что вокруг темно, сыро, холодно... чувствовала, что шлепнулась в воду, и со страхом думала о том, что сейчас же пойду ко дну, что, наверное, и случилось бы, если бы мои волосы не зацепились за железный крюк, весь покрытый плесенью. Наверху, около колодца, между тем, поднялся крик, и началась суматоха.

Как я узнала после, садовник, спавший на траве под деревом, проснулся как раз в тот момент, когда Лида подошла к колодцу, и собственными ушами слышал, как в колодец что-то шлепнулось.

— Говорите скорее, что вы туда броси-

ли? — крикнул он громким голосом, схватив Лиду за кофточку, но Лида вырвалась от него и быстрее молнии помчалась вперед, чтобы спрятаться в густые кусты сирени.

На крик садовника сбежалась не только прислуга, но и сами господа. Мать Лиды и мать Ниночки явились первыми, обе они стояли взволнованные, перепуганные, и по очереди заглядывали в глубину колодца, но так как там было темно, то, конечно, ничего не могли видеть, а только прислушивались, не долетит ли до их уха чей-нибудь стон.

— Позвольте, сударыня, я сойду туда с фонарем, — сказал садовник и начал поспешно опускать лестницу.

— Ах, Матвей, осторожнее, ради Бога осторожнее! — в один голос обратились к нему обе дамы.

— Не беспокойтесь, мне не впервые: недавно поваренок, черпая воду, по неосторожности уронил сюда серебряную ложку, я же случайно проходил мимо, он бросился ко мне и, обливаясь слезами, сообщил о своем несчастье, тогда я притащил вот эту самую лестницу.

цу, спустился по ней в колодец, достал ложку

и сейчас же назад, так точно и теперь будет...

Рассуждая подобным образом, словоохотливый садовник поспешно начал опускаться, я смотрела на него умоляющими глазами и очень боялась, что он меня, пожалуй, не заметит, так как фонарь его был маленький и светил плохо.

— Ба-ба-ба! Да это кукла Милочка, которая приехала к нам в гости с маленькой барышней, как бишь барышню-то зовут, забыл совершенно! — громко проговорил сам себе добрый старик и, ловко отцепив меня от крюка, начал подниматься.

— Ну что... нашел кого... кого именно? — слышались голоса сверху.

— Нашел такую вещь, что никому в голову прийти не может, — отвечал мой спаситель.

— Что такое? Что именно, говори скорее.

Садовник вместо ответа высоко поднял меня над своей головой.

— Кукла Милочка! — крикнули в один голос все стоявшие вокруг колодца.

— Это проделка Лиды, — строго заметила гувернантка.

— Так точно, — подтвердил садовник, — я

ведь собственными глазами видел ее, хотел даже поймать, но она куда-то скрылась...

— Милочка, бедная ты моя голубка, — говорила, между тем, Ниночка, тоже прибежавшая на шум, — как тебе, должно быть, было страшно! — и, бережно завернув меня в теплый платок, поспешно понесла домой.

Глава пятнадцатая

Заключение

На следующий день после случившегося происшествия Ниночка принялась упрашивать мать не оставаться дольше гостить у Лиды. Она боялась, чтобы эта бесконечно злая девочка не вздумала вторично бросить меня в колодец, да еще в самую середину, чтобы мне не за что было зацепиться и чтобы я пошла прямо ко дну. Этот колодец наводил на нее ужас, особенно после того, когда она утром при свете солнца пошла осмотреть его вместе с Марусей и со мною.

— Подумай, мама, если Лида утопит Милочку, какими глазами я посмотрю на Соню, которая отпустила ее со мною с тем, чтобы я берегла ее пуще глаза.

И, заливаясь слезами, бедняжка до того неотступно принялась умолять мать уехать скорее, что последняя, в конце концов, должна была согласиться.

Обратный переезд наш в деревню, где жила Соня, совершился благополучно. Соня

встретила меня с распростертыми объятиями и, когда Ниночка рассказала все, то даже про- слезилась.

— Жизнь Милочки полна приключений, которые, право, следовало бы описать, — сказала она, когда маленькая подруга ее замолчала.

— А что и правда, ведь ты дала мне превосходную мысль, — подхватила Соня. — Начиная с завтрашнего дня, я приступлю к делу, то есть, лучше сказать, заставлю Милочку самой описывать все свои похождения, ей они лучше известны.

Сказано-сделано, на следующий день, сейчас после завтрака, Соня посадила меня к письменному столу, положила передо мной разлинованную тетрадку, дала в руку перо и проговорила ласково:

— Дорогая Милочка, будь умница, напиши в этой тетрадке все, что с тобою случилось в продолжение твоей жизни. Если напишешь хорошо и толково, мы отдадим напечатать, нарисуем картинки, и у нас выйдет славная книжечка, которую, наверное, маленькие девочки будут читать с удовольствием.

О, с каким восторгом взялась я за предложенную мне работу! Она нравилась мне до того, что я, не разгибая спины, просидела около своего письменного стола целую ночь вплоть до рассвета... К утру записки мои были готовы...

Исполнила ли я их настолько хорошо, как просила Соня и как мне самой хотелось, — не знаю, но старания, во всяком случае, приложено было очень много, а потому, если они займут тех маленьких девочек, которые пожелают с ними познакомиться, то я буду считать себя совершенно счастливою и обещаю на будущее время написать им еще что-нибудь в таком же роде.

Текст по изданию:

Записки куклы: Рассказ для маленьких девочек. — СПб.: Издание Ф. А. Битепажа, 1898.

Примечания

1

То есть работников магазина.

[^^^]

2

В старину — домашнее женское платье, вроде пеньюара.

[^^^]

3

Служанка в богатом доме, выполняющая работу в комнатах.

[^^^]

Двоюродная сестра.

[^^^]

5

Так называлась до революции монета в 10 копеек.

[^^^]

6

Почтительный поклон с приседанием, бывший в дворянском быту знаком приветствия, почтения или благодарности.

[^^^]

Шкаф, предназначенный для хранения одежды.

[^^^]

8

Повязка, смоченная водой или лекарственным раствором, которую накладывают на больное место для лечения.

[^^^]

Имущество, выделяемое невесте ее родителями и собранное ею самой для замужества.

[^^^]

Газ — легкая, нежная, прозрачная ткань особого переплетения.

[^^^]

Персонаж французского народного театра: веселый задира и балагур.

[^^^]

Закрытое учебное заведение, в котором учащиеся обеспечиваются жильем и питанием.

[^^^]

Дамская накидка без рукавов.

[^^^]

Фунт — примерно полкилограмма.

[^^^]

Дамы (фр.)

[^^^]

16

Небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

[^^^]

Механический прибор для воспроизведения музыкальных произведений.

[^^^]

Четырехколесная, обычно крытая, повозка.

[^^^]

Пояс из широкого куска ткани.

[^^^]

Дореволюционное название Украины.

[^^^]

Дворянин-землевладелец, владевший поместьем в России до революции.

[^^^]